

нантами и, следовательно, длительными, «полуносовые» можно рассматривать как мгновенные. Отношение $\bar{b} : m$ и т.д. может быть приравнено к отношению «мгновенный : длительный». В языке, где существует такое отношение, m, n, η, d следует определять как «носовые длительные», а $\bar{b}, \bar{d}, \bar{g}, \bar{j}$ — как «носовые мгновенные»: фонологически назальный характер этих мгновенных умалется благодаря неносовой эксплозии в той же мере, в какой умалется смычный характер аффрикат вследствие фрикативного характера их отступа. В чичева имеются не только звонкие $\bar{b}, \bar{d}, \bar{g}, \bar{z}, \bar{j}$, но и глухие полуносовые $\bar{p}, \bar{t}, \bar{k}, \bar{c}, \bar{\xi}$, а также полуносовые фрикативные $\bar{v}, \bar{f}, \bar{z}, \bar{s}$; таким образом здесь все типы преград и все виды их преодоления представлены в назализованной и неназализованной форме. Аналогичные отношения принимаются и для некоторых других африканских языков; если, однако, «полуносовым» согласным не претивостоят соответствующие сочетания обычных носовых с неносовыми согласными, то не может быть и речи о консонантной корреляции назализации.

Корреляция назальности и соответственно корреляция назализации, видимо, является единственной резонансной корреляцией согласных. При описании языков, имеющих различного рода вокалические «корреляции мутности», часто утверждается, что различие в качестве голоса обнаруживается не только при произношении гласных, но также и при произношении согласных. Однако, насколько можно судить по этим описаниям, речь здесь, видимо, идет лишь о комбинаторных вариантах согласного, находящегося рядом с соответствующими мутными гласными.

5. Просодические признаки

А. Слогоносители

В подавляющем большинстве языков смыслоразличительные просодические признаки присущи лишь гласным. Отсюда происходит стремление причислять эти признаки к вокалическим и рассматривать их в одном ряду с другими вокалическими признаками. Автор настоящих строк действительно встал на этот же путь в одной из своих прежних работ¹. Подобное воззрение оказалось, однако, ошибочным. Просодические признаки присущи не гласному как таковому, а с л о г у. Часть фонем, из которых состоит слог, может быть иррелевантной в просодическом отношении. Как пра-

¹ TCLP, I, стр. 50 и сл.

вило, такими фонемами являются согласные. Однако «неслогообразующими» могут быть и гласные. С другой стороны, в ряде языков есть слоги, не имеющие ни одной гласной фонемы, вследствие чего просодическую функцию принимает на себя согласный элемент слога; в таких случаях обычно говорят о «слогообразующих» согласных. Наконец, известные просодические признаки могут быть присущи целой группе фонем (будь то «гласный + гласный» или «гласный + согласный»). Просодические признаки следует, таким образом, рассматривать не как признаки гласного в одном ряду со степенями раствора или тембром, а как признаки определенной части слога, причем в разных языках эта часть слога должна определяться по-разному¹.

Ту часть слога, которая, по законам данного языка, является носителем смысловых различительных просодических признаков, мы будем называть *слогоносителем*. В зависимости от языка слогоносителем может быть: а) гласный, б) многофонемная группа гласных, в) согласный, г) многофонемная группа «гласный + согласный». Нет ни одного языка, в котором гласные не функционировали бы в качестве слогоносителя. В большинстве языков мира гласные являются единственно возможными слогоносителями слога. В таком языке, как древнегреческий, помимо гласных, слогоносителями являются также группы гласных фонем (αι, οι, ει, ου, ου, ευ, υι); в сербохорватском слогоносителями являются гласные и плавный г, во многих африканских языках (например, ламба, эфик, ибo) — гласные и «гоморганный носовой», в зулу — гласные и носовой m (но не в положении перед губными), в ганакских говорах чешского — гласные и плавные г, l. Гласные, многофонемные группы гласных и плавные l, г выступают в качестве слогоносителей в словацком языке (менее явно — в чешском). Группа «гласный + сонант» является слогоносителем, видимо, только в тех языках, где эту же функцию выполняют многофонемные группы гласных; именно так обстоит дело в датском, литовском, латышском, сиамском. Все четыре возможных типа слогоносителей (гласные, согласные, многофонемные группы гласных и группы «гласный + носовой») сосуществуют в некоторых китайских диалектах (например, в пекинском).

Следует заметить, что среди согласных только так называемые сонанты, то есть носовые и плавные, засвидетельствованы в качестве самостоятельных слогоносителей или в качестве членов сло-

¹ Ср. N.S. Trubetzkoy, *Anleitung zu phonologischen Beschreibungen*, Brno, 1935, стр. 21 и сл.

гообразующей группы «гласный + согласный». Что же касается вопроса, следует ли рассматривать фонетически «слоγοобразующий» согласный как одну фонему, то ответ на него зависит главным образом от того, известен ли данному языку неопределенный гласный, реализация которого может восприниматься в форме вокалического элемента, почти неизбежно связанного со «слоγοобразующим» согласным. Выше мы уже говорили, что на этом основывается различие между однофонемной трактовкой «г» в сербохорватском *srce* «сердце» и многофонемной трактовкой «äг» в болгарском *säce* «сердце». Языки, использующие «слоγοобразующий» согласный в качестве однофонемного слогоносителя, не имеют в своей фонологической системе «неопределенного» гласного. Это правило справедливо для всех перечисленных выше языков; исключения нам не известны.

Если слогоносителем таких слов пекинского диалекта китайского языка, как *l*¹ «два», явно является плавный (который, вслед за Фреем¹, можно, очевидно, трактовать как *l*), то определение слогоносителей в таких словах того же диалекта, как *s*⁴ «четыре», *š*² «камень», *ž*⁴ «день», *s*² «десять» и т.д., представляет определенные трудности. При особенно отчетливом произношении здесь слышится особого рода гласный с очень малой степенью раствора; язык при произношении этого звука продвинут вперед гораздо больше, чем при произношении *i*; в результате, воспринимая данный звук, мы слышим своего рода фрикативный, напоминающий жужжание. Факультативным вариантом этого звука являются слоγοобразующие *z* или *ž*; довольно часто (особенно в безударном исходе слова) эта фонема вообще не реализуется. В самом Пекине эта фонема встречается только после сибилантов (*c*, *c*^h, *s*, *š*, *č*^h, *ž* и *ž*). Ее транскрибируют обычно знаком *i*. Фрей называет ее нулевым гласным (*voyelle zéro*, 128); отсюда происходит, возможно, стремление находить в таком слове, как *si* «четыре», слоγοобразующее *s*. Но так как в самом Пекине сочетание сибиланта с обычным *i* невозможно, то *i* скорее следует рассматривать как комбинаторный вариант *i* после сибиланта. В других китайских диалектах этот «жужжащий» (гингивальный) гласный возможен не только после сибилантов; некоторые диалекты, например диалект Сянсян (провинция Хунань), различают даже два таких гласных: передний и задний. Способ реализации подобного гласного во всех случаях зависит от предшествующего согласного; в указанных диалектах такой гласный можно

¹ В «Bulletin de la Maison Franco-Japonaise», VIII, 1936, № 1, стр. 126 и сл. Такие примеры, как китайское (пекинское) *l*¹ «два», говорят против упомянутого выше взгляда Л. Ельмслева (к которому, видимо, склоняется и Б. Грнка; см. TCLP, VI, стр. 62); согласно ему, однофонемное слово может состоять только из гласного: ведь в противоположность немецкому *s!*, французскому *tt!*, русскому *s!* *c!* китайское *l*¹ «два» является не междометием, а вполне нормальным числительным.

считать «неопределенным». Примечательно, что в этих диалектах, насколько нам известно, нет слогообразующих плавных.

Одна и та же фонема в пределах одного языка может выступать то в качестве слононосителя, то в «неслогообразующей» функции. Как правило, эти две функции обусловлены контекстом. В чешском, например, *l* и *ɾ* считаются слогообразующими, если они следуют после согласного и если после них нет гласного; во всех прочих положениях они являются неслоговыми. Однако существуют языки, в которых «способность к слогообразованию» выступает как смысло-различительный признак и в которых, таким образом, она совсем не обусловлена звуковым окружением. Сюда принадлежит, например, письменный сербохорватский, где *ɾ* и *i* в положении между согласным и гласным в одних словах выступают как слогообразующие, в других — как неслогообразующие: *gŕose* «горлышко» (трех-сложное), *gŕoza* «ужас» (двухсложное); *piĕm* (пишется: *pĭjem*) «пью» — *piĕna* (пишется: *pĭjena*) «пена». То же самое можно наблюдать и в положении между гласным и согласным; однако здесь все зависит от наличия морфологической границы между гласным и *ɾ*: *zārdati* «зар-жаветь» — *varnica* «искра»; *zaimati* «занимать» — *zājmiti* «одолжи-вать». В старочешском в положении между согласными *ɾ*, *l* в одних словах были слогообразующими, в других — неслогообразующими; такие слова, как *mŕtvý* «мертвый», *plný* «полный», в стихах считались двусложными, а такие, как *krví* «крови», *slza* «слеза», — односложными. Здесь можно говорить об особой к о р р е л я ц и и с л о г о о б р а з о в а н и я. Подобного рода случаи являются, однако, крайне редкими; чаще слоговой или неслоговой характер звука регулируется автоматически звуковым окружением.

Различного рода специфические отношения возникают там, где слоговой или неслоговой характер звука обусловлен внешними причинами. В письменном немецком языке *i* не встречается перед гласными; в противоположность этому *j* наблюдается только перед гласными. Здесь, таким образом, *i* и *j* являются не двумя фонемами, а комбинаторными вариантами одной фонемы¹. Но наряду с этим краткое *i* противопоставлено в данном случае *i* долговому, при-

¹ Однако это справедливо лишь в отношении письменного языка в его сценическом произношении. В диалектах же, а также в литературном произношении с диалектной окраской *i* и *j* являются разными фонемами. Так, например, обстоит дело в тех диалектах, где *ti* перешло в *i* и где, следовательно, возможно сочетание *ji* (*jünger* = *jünger*, *jidiš* = *jüdisch*), а также в северонемецком, где *j* является лишь комбинаторным вариантом спиранта *ɥ* (перед гласными переднего ряда соответственно после гласных заднего ряда).

чем это противополoжение является смыслоразличительным (Mitte «середина» — Miete «знаем», wirt «путаный» — wir «мы», Rib «трещина» — Ries «стопа (бумаги)»); j всегда краткий. Следовательно, когда i находится в положении перед гласными, противополoжение по количеству нейтрализуется. То же самое наблюдается и в других языках с позиционно-обусловленным слоговым характером фонем: последние обладают просодическими признаками только в таких положениях, где они выступают в качестве слогоносителей. Сложный случай мы имеем в болгарском: в положении между гласными здесь возможно лишь j, а не слогообразующее i; после же согласных j не встречается; в этом положении находим лишь i, которое может быть либо ударным, либо безударным (например, *životo* «живой» — *živôtât* «жизнь», *nie* «мы» — *čëmitat* «чернота», *vârvi* «идет» — *krâvi* «корова»). В начале слова перед гласными допустимо лишь j, но не i, а перед согласными — лишь i, а не j; в последнем случае i может быть либо ударным, либо безударным (например, *imam* «имею» — *imâne* «имущество, добро»). Однако в исходе слова после гласного, а также между гласным и согласным может быть либо j, либо у д а р н о е i; безударное i в этом положении исключено (например, *moj* «мой» — *moi* «мои», *dvòjka* «двойка, пара» — *dvoica* «двое»). В этом положении, следовательно, противополoжение по акцентуации замещается противополoжением по слогообразованию. Таким образом, болгарские i и j нужно рассматривать как две фонемы, которые относятся друг к другу как члены нейтрализуемой оппозиции¹.

¹ В языках, где слогоносителями являются гласные с однофонемной значимостью, различие между гласными и согласными можно было бы определить следующим образом: гласные — это такие фонемы, которые могут функционировать в качестве слогоносителей, а согласные — это такие фонемы, которые не могут выступать в качестве слогоносителей. Такое определение может дать повод к дальнейшим заключениям. Поскольку нет ни одного языка, в котором гласные не выступали бы в качестве слогоносителей, то их можно было бы определить как фонемы, функционирующие в качестве слогоносителей либо в своих основных вариантах, либо в качестве маркированных членов корреляции слогообразования, а согласные — как фонемы, неслогообразующие в своих основных вариантах (или как немаркированные члены корреляции слогообразования). Такого определения придерживается Р. Якобсон. Однако это вызывает много возражений. Во-первых, не всегда можно дать объективное определение основному варианту. Во-вторых, слогоноситель возможен лишь в тех языках, где существуют смыслоразличительные просодические признаки. В таких же языках, как армянский или грузинский, где просодических признаков нет, «слог» является не фонологической, а фонетической категорией, для определения которой необходимо привлечь понятие «гласного»; сам же слог ни при каких обстоятельствах не может служить базой для определения гласного. Таким образом, приведенное выше определение различия между гласными и согласными остается в силе.

Б. Слог и мора. Фонологическая интерпретация количества

Из сделанного выше обзора возможных слогоносителей следует, что они могут быть либо однофонемными, либо многофонемными. В одних языках существуют лишь однофонемные слогоносители, в других наряду с однофонемными возможны также многофонемные слогоносители. Спрашивается, однако, не следует ли рассматривать так называемые долгие слогоносители как геминаты? На этот вопрос нельзя дать одинакового для всех языков ответа; каждый язык должен быть исследован особо. Само собой разумеется, что при этом можно выделить ряд типов¹.

а) «Долгие» слогоносители следует, очевидно, рассматривать как сочетание фонем (то есть как геминированные слогоносители) в тех языках, в которых между началом и концом такого слогоносителя может пролегать морфологическая граница. В финском языке так называемый паритив имеет окончание а или ä: *talo* «дом» — *taloa*; в словах, имеющих в исходе а или ä, в этом случае удлиняется конечный гласный: *kukka* «цветок» — *kukkaа*, *leipä* «хлеб» — *leipää*. Так называемый иллатив образуется с помощью *n* при одновременном удлинении конечного гласного основы: *talo* «дом» — *taloon*, *kylä* «деревня» — *kylään*. В лакском языке *ma:u* является множественным числом от *ma:ɨ* «крыша», но множественное число от существительного *zunttu* «гора» будет *zuntü*. В этом же языке перфект с объектом первого и третьего классов от глагола *ita:n* «пускать» имеет форму *iutra*, от глагола *qa:an* «сушить» — *qauqra*, а от глагола *uta:n* «класть» — *ütra*. Во всех этих случаях долгие гласные следует рассматривать как сумму двух кратких гласных того же качества; такая интерпретация может быть распространена на все долгие гласные указанного языка.

б) Ту же трактовку долгих слогоносителей как «односложной группы из двух одинаковых слогоносителей» можно предложить и для языков, в которых долгие слогоносители в функционирующей системе данного языка допускают ту же интерпретацию, что и многофонемные дифтонги. В некоторых центральных словацких говорах и в словацком литературном языке существует так называ-

¹ Cp. N. S. Trubetzkoy, *Die phonologischen Grundlagen der sogenannten Quantität in den verschiedenen Sprachen*, «Scritti in onore di Alfredo Trombetti», Milano, 1936 и его же доклад на IV Международном конгрессе лингвистов в Копенгагене (1938), а также R. Jakobson, *Über die Beschaffenheit der prosodischen Gegensätze*, «Mélanges offerts à J. van Ginneken», Paris, 1937, стр. 25 и сл.

емый ритмический закон, согласно которому долгий слононоситель непосредственно после долгого слога становится кратким. Это сокращение долготы имеет место не только после слогов с долгим гласным или долгим плавным, но и после слогов с основными дифтонгами *ie*, *uo* (пишется *ō*), *ia*, *iū*; в свою очередь данные дифтонги после слога с долгим слононосителем (или дифтонгом) замещаются краткими гласными¹. Здесь, таким образом, долгие гласные и многофонемные дифтонги *ie*, *ou*, *ia*, *iū* ведут себя совершенно одинаково, из чего следует, что долгие слононосители обладают значимостью односложной группы, состоящей из двух одинаковых гласных.

в) Та же трактовка долгих слононосителей применима и к языкам, где при разграничении слов (см. ниже) долгие приравниваются к двум кратким. В качестве общеизвестного примера можно привести латинский язык классической эпохи: словоразграничительное ударение в этом языке не могло падать на последний слог слова; оно всегда приходилось на предпоследнюю мору предпоследнего слога, то есть или на предпоследний слог, если он долгий, или на третий слог от конца, если предпоследний слог краткий. При этом закрытый слог с конечным согласным считался долгим. Долгий гласный, таким образом, приравнивался в латинском к двум кратким гласным или «краткому гласному + согласный».

Аналогичные правила характеризуют также и среднеиндийский, однако без ограничений, касающихся последнего слога слова: последний слог всегда безударен, а ударение падает на ближайший к концу слова «долгий» слог, причем «долгими» считаются не только слоги с долгим слононосителем, но и слоги, содержащие группу «[краткий] гласный + согласный». В народном арабском ударение падает на последний слог лишь в том случае, если он завершается группой «долгий гласный + согласный» или группой «краткий гласный + два согласных», из чего вытекает, что долгие гласные просодически приравниваются к группе «краткий гласный + согласный»². В полабском ударение падает на слог, содержащий «предпоследнюю мору» слова, иначе говоря, либо на последний слог слова, если он долгий, либо на предпоследний слог, если последний слог краткий; при этом долгими считаются только такие слоги, которые со-

¹ В противоположность этому «нисходящие» дифтонги в словацком трактуются иначе: здесь слононосителем является только первый гласный дифтонга, причем он подпадает под воздействие ритмического закона только тогда, когда оказывается долгим. Нисходящие дифтонги с кратким первым гласным (например, *aj*, *au*) трактуются как сочетания краткого гласного с согласным и не вызывают сокращения долгих гласных в ближайших слогах. Ср. R. Jakobson, *Z fonologie spisovné slovenštiny*, «Slovenská miscellanea», Bratislava, 1931, стр. 156 и сл.

² H.W.T. Gairdner, *The phonetics of Arabic*, «The American university of Cairo Oriental studies», 1925, стр. 71.

держат долгий слононоситель или двухфоне́нный дифтонг *ou, ai, ai*. В южном пайуте (группа шошон юто-ацтекской семьи языков) главное ударение падает на вторую мору слова (если только эта мора не принадлежит последнему слогу), а второстепенное ударение — на все четные моры (то есть на четвертую, шестую и т.д.), причем долгие гласные и дифтонги считаются двухмерными, а краткие гласные — одномерными слононосителями¹. В тубатулабал (юто-ацтекская семья языков) главное ударение падает на последнюю мору слова, а второстепенное ударение — на вторую, четвертую и т.д. моры, начиная с конца слова по принципу ямбического ритма². В северо-восточном диалекте майду (калифорнийская группа языковой семьи пенути) главное ударение, видимо, всегда падает на вторую мору слова, причем слоги с долгим гласным, дифтонгом, а также закрытые слоги с кратким гласным считаются двухмерными, а открытые слоги с кратким гласным — одномерными³. Во всех этих случаях долгий слононоситель приравнивается к двум кратким.

г) Двухчленная значимость долгих слононосителей отчетливо прослеживается в языках, которые различают фонологически два типа ударения в долгих слононосителях. При этом фонетическая природа ударений безразлична. Существенным является скорее то, что начало и конец долгого слононосителя различаются просодически, и это различие фонологически значимо; при этом безразлично, каким типом ударения — музыкальным или динамическим — выделено (или не выделено) начало и конец слононосителя: начало может быть выделено одним типом ударения, а конец — другим. К данному типу принадлежат, например, литовский, сло-

¹ N.S. Trubetzkoy, «Polabische Studien» («Sitzungsber. Akad. Wien», CCXI, стр. 126 и сл.).

² Edward Sapir, Southern Paiute, a Shoshonean language, «Proceedings of the American Academy of arts and sciences», 65, № 1-3, стр. 37.

³ Charles P. Vögeli, Tübatulabal Grammar, «Univ. of California publ. in Amer. archeol. and ethnol.», 34, № 2, стр. 75 и сл. При этом в долгих слогах ударной может быть только первая мора; если второстепенное ударение, согласно ямбическому правилу, падает на вторую мору долгого гласного, то оно переходит на первую мору этого гласного, но и тогда последующие второстепенные ударения распределяются опять-таки с интервалами в одну мору.

⁴ Все сказанное вытекает из анализа материалов, опубликованных Роландом Диксоном в «Handbook of American Indian languages», I, стр. 683 и сл. (редкие отклонения от этой схемы объясняются весьма просто). Как кажется, второстепенные ударения в майду распределяются по тому же принципу, что и в пайуте; там, где Р. Диксон отмечает два ударения в слове, второе всегда приходится на «четные» моры (например, *ku'ú'napamā't* «к вечеру», *basá'k'omōscū'mdi* «на конце палки»). В отдельных случаях Диксон слышал только второстепенное ударение (ср. такие написания, как *úni'di*, *aká'nas*, *átsoia áá'nkano*, *sāmō'estodi* и т.д.). Отметим, между прочим, что северо-восточный диалект майду граничит и с диалектом пайуте.

венский и другие языки. Очень часто в таких языках указанные два типа ударения обнаруживаются также в многофонемных слогоносителях (то есть в дифтонгах, в группах из гласных и сонантов); таким образом, долгие слогоносители явно приравниваются к группе из двух фонем, как это имеет место в литовском, сиамском, японском и т.д. Правда, такое уподобление друг другу долгих и двухфонемных слогоносителей не обязательно всегда имеет место. В северокитайском различаются долгие и краткие слоги: краткие бывают либо высокими, либо низкими, долгие — или высокими, или низкими в своей последней части; монофтонги и дифтонги ведут себя одинаково не только в долгих, но и в кратких слогах. Если долгие слоги северокитайского трактовать как двухмерные, а краткие — как одномерные, то надо признать, что в этой фонологической системе имеются также многофонемные дифтонги, равные одной мере. Здесь, таким образом, существует известное несоответствие между просодическим и фонематическим членением слога¹. Что касается бирманского, где также имеются дифтонги в слогах из одной меры, то в нем картина не совсем ясна, ибо многофонемный характер дифтонгов не может быть доказан.

д) Сказанное о языках, обладающих двумя типами ударения на долгих слогоносителях, может быть с успехом повторено и относительно языков, в которых долгие слогоносители имеют то, что обычно называют «толчком» (датск. *stød*). Причем совершенно неважно, состоит ли он в полной смычке или только в сильном сужении голосовой щели. Существенным является то, что благодаря такой артикуляции долгий слогоноситель разделяется на две части². Распадение долгих слогоносителей в этих языках на два типа, в одном из которых имеет место перерыв между началом и концом, а в другом — такой перерыв отсутствует, с одной стороны, и отсутствие подобного противоположения в кратких слогоносителях, с другой стороны, со всей очевидностью показывает, что наличие начала и конца как двух раздельных моментов представляется существенным только для долгих слогоносителей. В тех языках, где противоположение «наличие толчка — отсутствие толчка»

¹ Впрочем, во многих северокитайских диалектах «краткий низкий тон» реализуется как нисходящий, а «краткий высокий» — как восходящий. Соответственно «долгий тон с высоким концом» является двувершинным (то есть нисходяще-восходящим), а «долгий тон с низким концом» — восходяще-нисходящим. Поэтому долгие слоги в просодическом отношении все же следует приравнивать к сочетанию из двух кратких слогов. Ср. Е.Д. Поливанов и Н. Попов-Татива. Пособие по китайской транскрипции, М., 1928, стр. 90 и сл., а также Е.Д. Поливанов, Введение в языкознание для востоковедных вузов, Л., 1928, стр. 118 и сл.

² Ср. R. Jakobson, TCLP, IV, стр. 180 и сл.

присуще долгим слононосителям, это же противоположение обнаруживается и в дифтонгах и в группе «гласный + сонант», что, безусловно, доказывает двучленность долгих слононосителей. К такому типу принадлежат, например, датский, латышский и другие языки.

Во всех упомянутых до сих пор языках долгие слононосители могут рассматриваться как «геминированные». Их долгота, или точнее — их «растяжимость», в противоположность «нерастяжимости» кратких слононосителей является внешним выражением их двучленности, то есть того, что их начало и конец не совпадают в одной точке, а ощущаются как два отдельных момента. Согласно Р. Якобсону, который обобщил условия двучленности, такую трактовку долгих слононосителей нужно распространить вообще на все языки, имеющие долгие основные дифтонги, даже если эти языки и нельзя подвести ни под один из пяти перечисленных выше типов. Наличие односложных основных дифтонгов с бифонематической значимостью могло бы с такой точки зрения служить шестым критерием, позволяющим определять двучленный характер долгих слононосителей¹. Такая гипотеза представляется нам несколько сомнительной: одного наличия многофонемных основных дифтонгов недостаточно для доказательства того, что долгие монофтонги тоже должны трактоваться как односложные группы, состоящие из двух одинаковых гласных. Подобный взгляд можно объективно доказать лишь в том случае, если долгие монофтонги действительно трактуются в данном языке так же, как многофонемные дифтонги (наш тип *б*, см. выше). Там, где этого нет, там нет и объективных оснований для того, чтобы прописывать долгим слононосителям значимость геминат. В разговорном чешском (центральная Чехия) долгие гласные невозможны в начале слова, но дифтонг *ou* в таком положении возможен: *ouřad* «власть», *oučet* «счет» и т.д., напротив, в письменном чешском в начале слова возможны долгие гласные (например, *úl* «улей»), но не дифтонги. В фонологической системе чешского, видимо, нет указаний на то, что *ou* следует приравнять к долгому гласному.

Таким образом, есть языки, где долгие слононосители расцениваются как моносиллабические группы, состоящие из двух качественно тождественных кратких слононосителей. В таких языках растяжимость, то есть способность к протяжному произношению долгих слононосителей, является лишь внешним выражением их двучленности. Но двучленный (или в более общем виде — многочленный) характер может быть выражен и иначе. Во многих африканских и американских языках голосовые регистры часто используются в качестве смысловозначительного средства. Как правило,

¹ «Mélanges van Ginneken», стр. 32 и сл.

каждый слог имеет определенную музыкальную высоту. Но часто начало слога по высоте не совпадает с его концом. Высота изменяется в пределах слога. В результате получаются слоги музыкально-восходящие, нисходящие, нисходяще-восходящие и т.д., причем все эти просодические типы обладают смыслоразличительной значимостью. В отношении некоторых языков, имеющих просодическую систему подобного рода, исследователи определенно заявляют, что слоги, в которых начало не совпадает с концом по высоте, являются более долгими, чем слоги с «ровным» тоном (так обстоит, например, дело в эфик)¹. Однако в большинстве случаев исследователи не указывают на это, и такое умалчивание нельзя приписать простой небрежности. Скорее следует предположить, что в большинстве языков, имеющих развитую «систему тонов», просодическая многочленность слогиносителей выражается не их длительностью, а лишь изменениями высоты тона внутри слогиносителей. Может даже случиться, что в таком языке оба типа фонетической реализации «многочленности» сосуществуют друг возле друга: двучленные (геминированные) слогиносители, имеющие одну и ту же высоту тона в обеих частях, реализуются в виде долгих гласных (или слогиобразующих сонантов) «ровного тона», тогда как двучленные (геминированные) слогиносители, имеющие разную высоту тона в обеих частях, реализуются в виде кратких гласных (или слогиобразующих сонантов) «неровного» (то есть восходящего или нисходящего) тона².

Геминированную, или в более общем виде — многочленную, значимость долгих слогиносителей можно назвать «арифметическим пониманием количества», а языки, в которых обнаруживается такое понимание, — «моросчитающими языками» (поскольку минимальная просодическая единица в таких языках не всегда совпадает со слогом).

Этим языкам противопоставляются «слогосчитающие» языки, где просодические единицы всегда совпадают со слогом и где долгий

¹ Cp. Ida C. Ward, *The phonetic and tonal structure of Efik*, Cambridge, 1933, стр. 29: «a vowel on a rising or a falling tone is generally longer than on a high or low level tone» («гласные с восходящим или нисходящим тоном являются, как правило, более долгими, чем гласные с ровным высоким или ровным низким тоном»).

² Возможно, так обстоит дело в диалекте гё языка эве. Слоги «неровного» тона в этом диалекте, по-видимому, всегда являются краткими, даже когда они возникают в результате стяжения, например *eléy i* «он идет» (из *e le, 'e y i*). Долгие же слоги, вероятно, всегда характеризуются ровным тоном; по крайней мере такое впечатление создается при чтении описания этого диалекта Вестерманном и Уорд (см. D. Westermann and Ida C. Ward, *Practical phonetics for students of African languages*, стр. 158—166), а также примеров и образцов текста, приведенных в этой работе.

слогоноситель (если только он вообще существует) должен расцениваться как целостная единица, а не как сумма ряда более дробных единиц. К этому типу принадлежат прежде всего языки с исключительно однофонемными слогоносителями, как, например, венгерский, ганацкий диалект чешского, чеченский (дифтонги которого частично однофонемны, а частично должны рассматриваться как «гласный + j или w» и где, кроме того, в качестве слогоносителей выступают лишь гласные, а j и w фонологически отличаются от i и u). Мы включаем в эту группу также языки, в которых существуют многофонемные дифтонги, но в которых эти дифтонги ведут себя не так, как долгие слогоносители (например, разговорный и письменный чешский). Наконец, такие языки, как немецкий, английский и голландский, тоже следует причислить к слогосчитающим (см. ниже).

Противоположение долгого и краткого слогоносителя всегда логически привативно. Поскольку это противоположение превращается в фактически привативное, благодаря тому, что оно может быть нейтрализованным, краткие слогоносители в моросчитающих языках, как правило, являются немаркированными, а долгие — маркированными. В словацком (точнее, в письменном словацком и в некоторых диалектах центральной Словакии) за долгим или дифтонгическим слогоносителем может следовать только краткий слогоноситель; в финском перед гласным может быть только краткий гласный (например, ед. ч. *puu* «дерево» — паритив. мн. ч. *puita*); в латинском языке перед конечным согласным, за исключением s, может стоять только краткий гласный, в пракрите (то есть в среднеиндийском) в закрытом слоге может наличествовать только краткий гласный; в хорватско-чакавском диалекте Нови перед слогом с долгим нисходящим ударением может быть только краткий гласный; в словенском (и в народном арабском Египта) в безударных слогах возможны только краткие гласные; в ламба (один из языков банту в Северной Родезии) и в ганда (Восточная Африка) в исходе слова могут быть только краткие гласные и т.д. Таким образом, в качестве признака корреляции здесь выступает геминация слогоносителя.

Слогосчитающие языки в этом отношении не столь едины. В чешском, где (как в разговорном языке средней Чехии) в начале слова имеются только краткие гласные, краткие слогоносители можно, пожалуй, рассматривать как немаркированные, а долготу (и соответственно растяжимость) долгих слогоносителей — как признак корреляции. Однако если принять во внимание, что долгота является «фактором интенсивности» и что в чешском (так же как в других

языках этого типа, например, в венгерском, чеченском и др.) никакие другие факторы интенсивности не обладают смысловозначительной функцией¹, то мы будем склонны скорее рассматривать интенсивность как признак корреляции, а долготу (соответственно растяжимость) — только как способ реализации интенсивности.

Совсем иную картину мы имеем в таких языках, как немецкий, голландский и английский. Интенсивность реализуется здесь в виде свободного экспираторного («динамического») ударения. Противопоставление по количеству в открытом исходе слова нейтрализуется. Кроме того, в конечных открытых слогах под ударением возможны лишь долгие гласные. Поэтому-то немаркированным членом корреляции здесь следует считать не краткие, а долгие слогиносители. Здесь, таким образом, речь может идти только о противополжении нормальных полноартикулируемых гласных, с одной стороны, и усеченных гласных, артикуляция которых прерывается приступом последующего согласного, — с другой. При этом «резкое усечение слога» является признаком корреляции. В «к о р р е л я ц и и у с е ч е н и я с л о г а» длительность представляет собой лишь выражение полной и беспрепятственной артикуляции гласного, а краткость — выражение усечения конечной фазы артикуляции гласного последующим согласным.

Впрочем, язык, которому свойственна корреляция усечения слога, не обязательно должен быть слогосчитающим. Весьма специфический тип связи этой корреляции с просодической корреляцией геминации наблюдается в языке хопи (особенно в диалекте Мишонгнови в Аризоне), который принадлежит к юто-ацтекской семье языков. Мы заимствуем сведения об этом языке из частного письма Бенджамена Уорфа, которому мы выражаем здесь глубокую благодарность. В хопи нет ни дифтонгов, ни многосложных групп гласных, ни фонологических движений тона, ни морфологической разложимости долгих гласных. Правило, согласно которому главное ударение должно падать на вторую мору слова (если только эта мора не входит в состав последнего слога), имеет ныне лишь историческое значение, поскольку в настоящее время оно не распространяется больше на все грамматические категории и поскольку теперь больше не различаются первоначально одномерные и первоначально многомерные неударные слоги. С точки зрения современного состояния языка просодические отношения следует понимать совершенно иначе. Специфичным для этого языка является наличие у гласных (которые оказываются единственными слогиносителями) трех ступеней количества, притом со смысловозначительной функцией, например *pās* «очень» — *pas* «поле» — *pās*

¹ В названных языках экспираторное усиление («динамическое ударение») закреплено за первым слогом и выполняет, таким образом, делимитативную, а не смысловозначительную функцию.

«тихий» (также *těva* «орех» — *teva* «бросать», *qāla* «лезвие» — *qāla* «крыса», *sive* «сосуд» — *sīve* «древесный уголь» и т.д.). Там, где противоположения по количеству нейтрализуются (а именно перед так называемыми преаспирированными смычными ^hp, ^ht, ^hk, ^hq, ^hs), в качестве представителя архифонемы выступает не краткая и не долгая, а средняя ступень количества. Из этого следует, что в таких рядах, как *ā*—*a*—*ā*, речь идет не о двух градуальных, а о двух привативных оппозициях, немаркированным членом которых является гласный средней длительности. Это подтверждается и тем случаем, при котором нейтрализуются не обе, а лишь одна из двух оппозиций. Противоположение *ā*—*a* нейтрализуется в открытых конечных слогах под ударением (точнее, под второстепенным ударением), и в этой позиции *ā* невозможно. Другими словами, в хопи, так же как и в немецком, голландском и английском, краткие гласные употребляются лишь перед согласными. Это, видимо, указывает на то, что краткие в данном языке являются лишь выражением «резкого усечения слога» и что такие пары, как *ā*—*a*, *ē*—*e*, образуют здесь корреляцию усечения слога¹. Что же касается противоположений *a*—*ā*, *e*—*ē* и т.д., то в многосложных словах они имеют место лишь в открытых слогах как внутри, так и в исходе слова (последнее, правда, гораздо реже)². В закрытых слогах многосложных слов это противоположение нейтрализуется, и представителем архифонемы выступает гласный средней длительности. Такое ограничение, впрочем, известно лишь в моросчитающих языках (японском, среднеиндийском и др.); оно основывается, очевидно, на приравнивании согласного, прикрывающего слог, к просодической *море* (*ā* = *at*) и на установлении максимально возможного числа мор в слоге³. По этой причине противопо-

¹ Об этом говорит и еще одна особенность реализации гласных в языке хопи. Мы уже указывали (при рассмотрении английского вокализма, см. стр. 134 и сл.), что языки с корреляцией усечения слога имеют особую склонность к реализации полноартикулируемых гласных в виде скользящих дифтонгов. Нечто подобное, по-видимому, имеет место и в хопи: максимально низкая и максимально узкая гласная фонема реализуется здесь в средних по длительности и долгих слогах как *ou*, а в кратких слогах как *U*.

² Долгие гласные в такой позиции хотя и редко, но все же встречаются. Б.Л. Уорф пишет: «...three lengths do not occur in a wordfinal vowel... If such a vowel is accentuated, its length is medium, with a very few cases of long» («...три степени долготы не встречаются в открытом исходе слова... Если такой гласный оказывается ударным, его длительность оказывается средней, лишь в очень редких случаях — долгой») (подчеркнуто нами).

³ Правда, нейтрализация противоположения долгих и среднедолгих гласных в закрытых слогах в языке хопи связана с известными ограничениями. Во-первых, слоги, прикрытые *y*, *w*, трактуются как открытые (то есть перед прикрывающими слог *y*, *w* все три количества гласного различаются), во-вторых, все три количества различаются также и в односложных словах типа «согласный + гласный + согласный». Можно предположить, что прикрывающие слог *y* и *w* трактуются здесь как особые слоги (*yí*, *wi*?) и что односложные слова (вроде приведенных выше *pās* «очень», *pas* «поле», *pās* «тихий») понимаются как двусложные.

жение «средних по длительности» гласных и «долгих» гласных следует рассматривать как просодическую оппозицию геминации. Фонологически «долгие» гласные в этом языке двухморны, а «средние» гласные одноморны, так что различие между \bar{a} и a (или между \bar{i} и i и т.д.) состоит в числе мор; что же касается противоположения «кратких» и «средних» гласных, то в хопи оно основывается не на числе мор (ибо оба типа гласных одноморны), а на усечении слога (то есть на способе примыкания последующего согласного). Таким образом, в хопи имеет место своеобразная связь корреляции усечения слога с просодической корреляцией геминации¹.

И в некоторых других языках находят три и даже больше ступеней количества у слононосителей со смысловозначительной функцией, но без достаточных на то оснований. Как правило, здесь количество смешивают с движением тона. Так, хорватский грамматист Ш. Старчевич в начале XIX в. утверждал, что в его родном языке слоги под ударением якобы имеют три ступени количества: кроме «краткого ударения», иллирийский (так в то время называли хорватский) будто бы имеет еще «несколько протяжное» ударение и «полностью протяжное». Но если мы проверим примеры, приведенные Старчевичем, то увидим, что он называет «несколько протяжным» длительно нисходящий акцент, а «полностью протяжным» длительно восходящий акцент². Выходит, таким образом, что противоположение по движению тона (нисходящий — восходящий) он истолковал как противоположение по количеству (краткий — долгий), или, лучше сказать, основным посчитал явление вторичного порядка, несущественное с фонологической точки зрения (а именно несколько большую длительность слога с восходящей интонацией)³.

Видимо, явление того же порядка наблюдается и в северном албанском (гегеском), где обычно насчитывают три количественные ступени в слоге под ударением (краткую, долгую и сверхдолгую)⁴ и где в действительности «долгота» — «сверхдолгота» противопоставлены друг другу как члены мелодической оппозиции, которую и следует рассматривать как единственно существенную с фонологической точки зрения⁵. В эстонском

¹ Что касается экспираторного ударения, то в языке хопи главное ударение падает на первый слог в двусложных словах и на первый или второй слог в более чем двусложных словах. Первое второстепенное ударение приходится на первый или второй слог после слога, выделенного главным ударением (в зависимости от типа грамматической категории), а все прочие второстепенные ударения распределяются с интервалом в один слог каждое. В совершенно безударных слогах (то есть в слогах, не выделенных ни главным, ни второстепенными ударениями) корреляции усечения слога и геминации нейтрализуются, причем безударные гласные обладают несколько меньшей длительностью по сравнению с ударными гласными средней длительности.

² Ср. Stjepan Ivšić в «Rad. Jugoslov. Akad.», CXLIV, стр. 67—68.

³ Ср. R. Jakobson в TCLP, IV, стр. 168.

⁴ Так в конечном итоге у Ловмана (см. G. S. Lowman, The phonetics of Albanian, «Language», VIII, 1932, стр. 286).

⁵ Ср. Boh. Havránek, Zur phonologischen Geographie, «Archives Néerlandaises de Phonétique Expérimentale», VII—IX, 1933, стр. 29, сноска 7.

языке гласные первого слога различают четыре ступени количества, при этом корневой слог большинства существительных (например, *piima* «молоко», *tuul* «ветер» и т.д.) имеет в родительном падеже вторую ступень количества, в партитиве — третью, в иллативе — четвертую. Но при более пристальном рассмотрении оказывается, что параллельно изменению ступени количества изменяется также и движение тона в слогиносителе: вторая ступень количества имеет явно нисходящую мелодию, третья — ровную (при резком и крутом понижении тона на следующем слоге), четвертая — нисходяще-восходящую (с динамическим ударением на восходящей части). И поскольку дифтонгические корневые слоги (например, роег «сын») в указанных формах обнаруживают не количественные, а только соответствующие им интонационные (мелодические) различия¹, то позволительно считать эти различия в движении тона фонологически существенными, а количественные различия — лишь сопутствующим явлением фонетического характера². Разные исследователи указывают на наличие более чем двух ступеней количества в слогиносителе также для некоторых диалектов саамского (лопарского) языка. В действительности же саамский язык является «моросчитающим языком» (поскольку долгие гласные встречаются в нем лишь в тех положениях, в каких встречаются явно двуфонемные дифтонги), и ему известно только фонологическое противоположение одноморных и двухморных слогиносителей. Но, как уже указывалось (см. стр. 187), в этом языке корреляция консонантной геминии и корреляция консонантной интенсивности образуют соединение, имеющее характер пучка, причем геминированные согласные здесь более долгие, чем негеминированные, а тяжелые согласные — более долгие, чем легкие (в диалектах же нисходящие геминированные являются более долгими, чем восходящие геминированные). Фонетическая же длительность гласных находится здесь в обратном отношении к фонетической длительности следующих согласных, из чего вытекает наличие в разных саамских диалектах от пяти до восьми различных ступеней вокалической длительности. Однако это чисто фонетическое явление: фонологически перед каждым типом согласных имеется только два смыслоразличительных типа слогиносителей: один одноморный и другой двухморный (впрочем, в некоторых диалектах такое противоположение нейтрализуется перед тяжелыми геминированными согласными).

¹ Хорошее фонетическое описание эстонского языка дает Е.Д. Поливанов (см. «Введение в языкознание для востоковедных вузов», Ленинград, 1928, стр. 197—202). Что касается тех случаев, где родительный, партитив и иллатив дифференцируются с помощью различных ступеней количества согласных в исходе основы (например, *tykk* «кусок», род п *tykke* — со второй, партитив *tykki* — с третьей и иллатив, *tykki* — с четвертой ступенью количества в долгом *k*), то надо заметить, что и здесь участвует не только одно количество, но и распределение интенсивности согласного («нисходящая», «ровная», «восходящая» геминия), с одной стороны, и соотношения в высоте тона между слогами основы и слогом окончания — с другой стороны.

² В эстонском языке подлинно «квантитативным» (в арифметическом смысле) следует считать лишь противоположение кратких (то есть одноморных) гласных и некратких (то есть двухморных) гласных.

Таким образом, во всех случаях, когда в слогиносителе якобы различаются три или больше ступеней количества, мы имеем дело с ошибочной интерпретацией (если отвлечься от стоящего особняком языка хопи, где наблюдается своеобразное сочетание просодической корреляции геминации и корреляции усечения слога). Тем не менее в некоторых моросчитающих языках с фонологическими различиями регистра, помимо слогиносителей, состоящих из одной и двух мор, обнаруживаются слогиносители, содержащие три и четыре моры. Число мор выражается тогда главным образом распределением высоты тона внутри слога, но возможно, что в некоторых из этих языков большее число мор в слоге проявляется также в его большей длительности, причем эту длительность следует, очевидно, рассматривать как сопутствующее явление, несущественное с фонологической точки зрения.

В. Просодические различительные признаки

а) Введение

Исследование просодических отношений в количественном плане позволяет, таким образом, заключить, что минимальной просодической единицей в одних языках является слог (точнее, слогиноситель), в других — м о р а; соответственно этому все языки можно подразделить на слогосчитающие и моросчитающие. Под п р о с о д е м о й мы понимаем минимальную просодическую единицу данного языка, иными словами, слог в слогосчитающих языках и мору в моросчитающих языках.

Все просодические признаки можно подразделить на признаки различительные и признаки примыкания. Различительные признаки способствуют различению просодем как таковых, тогда как признаки примыкания характеризуют не сами просодемы, а способ их примыкания к последующему фонологическому элементу.

Различению просодем в слогосчитающих языках способствует интенсивность, а в моросчитающих языках — высота тона. Там, где дифференциация просодем выполняет лишь смыслоразличительную (дистинктивную) функцию, там каждая просодема обладает своим собственным различительным признаком, так что в слове, которое состоит из ряда просодем, все они могут быть либо одинаковыми в отношении этого признака, либо различными в различной последовательности. Иначе говоря, в слогосчитающих языках этого типа слоги многосложного слова могут быть либо все интенсивными (например, чешск. *fikání* «разговор»), либо все неинтенсивными (например, чешск. *lopata* «лопата»), либо в различной последовательности интенсивными и неинтенсивными (например, чешск. *kabátek* «пиджак», *zářada* «принцип», *znamení* «знак»,

mámení «обман», pořádný «аккуратный», bídáci «негодяй» и т.д.); равным образом в моросчитающих языках такого типа моры с различной высотой тона могут следовать в составе слова в самой различной последовательности; например, в языке ибо: ʔo'si'si «палка», ʔn'ke_ta «собака», ʔi_ji_ji «муха», ʔn_ka'ta «разговор», ʔo_ʔo'ma «апельсин», ʔan'wen_ta «москит», ʔn_ne_ne «птица», ʔo_to_bo «бегемот», ʔn'de-de «мотовило», ʔe'ti'ti «средний», ʔu-do_do «паук» и т.д.¹ Однако в тех языках, где дифференциация просодем выполняет не только смысловозначительную функцию, просодемы распределяются так, что в каждом слове лишь одна просодема выделяется среди прочих своим различительным признаком, тогда как все прочие просодемы в том же слове характеризуются противоположным различительным признаком; например, в таком слоги-считающем языке, как русский, в слове «самовар» интенсивным является только третий слог, в слове «бумага» — только второй, в слове «патока» — только первый, все же прочие слоги этих слов являются неинтенсивными; в таком моросчитающем языке, как литовский, «высокой» является лишь первая мора первого слога в слове lóva (ʔ'lo.o.va) «кровать», лишь вторая мора первого слога в слове lóstas (ʔ.lo'ostas) «род», лишь первая мора второго слога в слове lošéjas (ʔ.loo'še.ejas) «игрок», лишь вторая мора второго слога в слове lovys (ʔ.loovi'is) «корыто»; все же прочие моры в этих словах являются «низкими». Дифференциация просодем выражается в таких случаях в основном путем удлинения вершинного слога в слоги-считающих языках и путем повышения тона на вершинной море в моросчитающих языках; к этому присоединяются еще другие факторы, прежде всего экспираторное усиление вершинной просодемы, которому очень часто сопутствует повышение тона вершинного с л о г а и соответственно удлинение вершинной м о р ы. Фонологически существенным является здесь только общее выделение вершинной просодемы, иначе говоря, тот факт, что эта просодема выделяется среди всех прочих, тогда как средства, с помощью которых достигается это выделение, находятся в ведении фонетики. Кульминативное (вершинообразующее) выделение называется обычно «ударением» или «акцентом», и нет никаких оснований заменять эти термины другими. Коррелятивные противоположения «ударных» и «безударных» просодем мы называем к о р р е л я ц и е й у д а р е н и я, а коррелятивное противоположение, сложившееся в моросчитающих языках путем выделения

¹ Cp. Ida C. Ward, An introduction to the Ibo language, Cambridge, 1935, стр. 38—41.

или невыделения с помощью ударения одной из мор двухмерного слононосителя, мы называем мелодической корреляцией. Например, противоположение «нисходящей» (Stoßton) и «восходящей» (Schleifton) интонации в литовском и т.д.

Следовательно, просодические различительные противоположения можно подразделить на кульминативные (вершинообразующие) и некульминативные. К кульминативным принадлежат корреляции ударения и как ее разновидность мелодическая корреляция. К некульминативным различительным противоположениям принадлежит в слогосчитающих языках просодическая корреляция интенсивности, а в моросчитающих языках тоническая или регистровая корреляция. Это общее членение исходит из понятия *просодемы*. В слогосчитающих языках, где просодема тождественна слононосителю, дифференциация просодем может, естественно, выступать лишь в форме ударения и удлинения. Но в моросчитающих языках к мелодической, регистровой корреляциям и корреляции ударения присоединяется еще одно различительное противоположение, а именно просодическая корреляция геминации, то есть различие между одноморными и двухморными слононосителями. Эта корреляция, являясь неотъемлемой приметой моросчитающих языков, может сочетаться с другими различительными признаками. Там, где она выступает самостоятельно (то есть без мелодической, регистровой корреляции и без корреляции ударения), ее легко спутать с просодической корреляцией интенсивности, как, впрочем, и консонантную корреляцию геминации иной раз лишь с большим трудом удается отличить от консонантной корреляции интенсивности.

б) Просодические корреляции интенсивности и геминации

О просодических корреляциях интенсивности и геминации уже говорилось выше (стр. 200). Было приведено пять признаков, которые позволяют определить, при каких условиях долгий слононоситель является двухморным, а противоположение долгих и кратких слононосителей — тем самым просодической корреляцией геминации. Где эти признаки отсутствуют, там нет никаких оснований понимать долгий слононоситель как двухморный и там противоположение долгих и кратких слононосителей следует рассматривать как корреляцию интенсивности. Уместно заметить, что (некульминативная) корреляция интенсивности является относительно редкой; во всяком случае просодическая корреляция геминации встречается гораздо чаще (впрочем, то же отношение наблюдается также между консонантными корреляциями интенсивности и геминации).

Мы уже упоминали, что долгота не является единственно возможным фонетическим средством выражения просодической гениации (двухморности) и что в ряде языков число мор в одном слононосителе выражается не длительностью, а движением тона в слононосителе.

в) Регистровая корреляция

Такое просодическое явление, как смысловоразличительные противоположения по регистру, абсолютно чуждо европейским языкам. Однако вне Европы оно широко распространено. Его не следует только путать с так называемым музыкальным ударением. В тех языках, которым известны смысловоразличительные противоположения по регистру, каждый слог, или, лучше сказать, каждая мора (ибо все эти языки являются моросчитающими) характеризуется не только своими фонемами, но и определенной относительной высотой тона или регистром. Если в языках с так называемым музыкальным ударением каждое слово должно иметь музыкальную вершину, то в языках со смысловоразличительными противоположениями по регистру в этом нет никакой необходимости: многосложное слово может состоять или сплошь из музыкально высоких мор, или исключительно из музыкально низких мор, или из высоких и низких мор в любой последовательности. Высота тона каждой моры зависит только от значения. Так, например, в лонкундо (Бельгийское Конго) имеем: *_bɔ_kɔ_ŋɡɔ* «спина» ~ *_bɔ_kɔ_ŋɡɔ* «песок» ~ *_bɔ_kɔ_ŋɡɔ* «имя»; *_lɔ_ko_lo* «плоды пальмы» ~ *_lɔ_ko_lo* «заклинание» и т.д.¹ Как в других языках, грамматические формы одного и того же слова могут отличаться друг от друга изменением фонем (например, нем. *siech* ~ *sah*, *verbinden* ~ *verbanden* ~ *verbunden*, франц. *allez!* ~ *allait* ~ *alla*, русск. им.п. *вино* ~ род.п. *вина* ~ дат.п. *вину* ~ предл. п. *вине*; *ляг!* ~ *лѣг*, им. п. мн. ч. *коровы* ~ дат.п. ед.ч. *корове*), так и в языках со смысловоразличительным движением тона грамматические различия зачастую зависят только от высоты тона отдельных мор, например в лонкундо: *_a_ta_o_ma* «ты сегодня не убил» ~ *_a_ta_o_ma* «ты вчера не убил»; в эфик² все глагольные корни состоят из двух мор, причем обе являются либо высокими, либо низкими или же первая выступает как низкая, а вторая — как высокая (например, аорист 1-го лица ед. ч. *-N'ke-te* «я думаю», *-N_do_ri* «я кладу», *-N_fe-he* «я бегу»; однако в сослагательном

¹ G. Hulstaert, Les tons en Lonkundo (Congo Belge), «Anthropos», XXIX.

² Ida C. Ward, The phonetic and tonal system of Efik, Cambridge, 1933.

наклонении все корни в первой мере приобретают высокий тон, а во второй — низкий: 1-е лицо ед.ч. -N'ke_re, -N'do_ri, -N'fe_he); в языке ибо¹ отношение между определяемым и определяющим (например, существительное — прилагательное, глагол — объект и т.д.) выражается путем повышения тона на последней мере определяемого и на первой мере определяющего и т.д.

Рассматривая более пристально языки со смысловозначительным движением тона, мы замечаем, что все они фонологически различают два или три регистра. Два регистра имеют лонкондо (Бельгийское Конго), ачумави (Сев. Америка)², три — эфик, ибо, ламба³ и т.д.

Встречающиеся в литературе указания на большее число регистров при ближайшем рассмотрении оказываются ошибочными, во всяком случае с фонологической точки зрения. Так, например, Агинская утверждает, что описанный ею язык менде обладает якобы четырьмя регистрами⁴. Правда, она добавляет при этом, что самый низкий из них (обозначаемый ею цифрой 1) можно опустить сколь угодно ниже в зависимости от степени эмфазы. При ближайшем рассмотрении материала оказывается, что «первый» (то есть самый низкий) регистр встречается у глагольных форм, а не у существительных, местоимений и прилагательных, тогда как «четвертый» (то есть самый высокий) регистр в противоположность первому очень часто встречается у существительных, местоимений и прилагательных, но никогда — у глагольных форм. Решение этой загадки кроется в тексте, приведенном в конце грамматики: «первый» регистр употреблен в этом тексте девять раз и все девять раз в конце предложений перед точкой: (38) ve, la, (61) li, la, a, (77) ye, e, (167) pa, «там»; ср. (81) pa, «там» внутри предложения, (176) gbe, e, nga, (189) = (224) hu, «в»; ср. (87) hu, (142) hu, (175) hu, (197) hu, (203) hu, (214) hu, «в, внутри» предложения. Следует, таким образом, признать, что в менде, так же как в эве, эфик, ибо и др., существуют лишь три регистра с различительной функцией, причем в конце предложения высота тона всех слов падает: все регистры в этой позиции понижаются на одну ступень (что, однако, не меняет относительной высоты их тона внутри слова), и самый низкий регистр приобретает необычное для него в других условиях понижение. Такой низкий тон затрагивает глагольные формы, поскольку они, как правило, занимают последнее место в предложении⁵. Для языка зулу изве-

¹ Ida C. Ward. An introduction to the Ibo language, Cambridge, 1935

² Cp. H.J. Uldall, A sketch of Achumawi phonetics, «Intern. Journ. for American Linguistics», VIII, 1933, стр. 73 и сл.

³ Cp. Clement M. Doke, A study of Lamba, «Bantu studies», July, 1928, стр. 5 и сл.

⁴ Cp. Ethel G. Aginsky, A grammar of the Mende language (Language dissertations publ. by the Linguistic Soc. of America, № 20, стр. 10).

⁵ На это указывает, по-видимому, сам автор работы, поскольку он при анализе текста говорит по поводу слова (77) ye, e, что основа его должна была бы звучать ye, e, и что «lower tonal pattern here due to final position in sentence».

стный исследователь южноафриканских языков Клемент Док указывает девять регистров¹. Однако, по-видимому, на высоту тона слогоносителя зачастую оказывают влияние окружающие согласные и высота тона соседних слогов. Конечно, отвлечься от этих внешних влияний и определить число регистров со смыслоразличительной функцией в каждой позиции весьма нелегко. К сожалению, сам Док этого не проделал, и так как он не приложил к своему исследованию перечня слов, то читатель лишен возможности проделать эту работу за автора. Однако из материалов К. Дока видно, что число регистров со смыслоразличительной функцией в зулу сводится, по всей вероятности, не к девяти, а к трем. К. Док выделяет различные «тональные типы» (ядра) слов. Трехсложные слова, например, распадаются на шесть таких тональных типов. Типы I, II, III и VI характеризуются низким регистром («9») последнего слога, тогда как типы IV и V — средним регистром этого слога. В типе I первый слог ниже второго (в зависимости от обстоятельств первый слог может быть нисходящим, второй — восходящим), но оба слога выше третьего. В типе II второй слог либо является таким же низким, как и третий, либо несколько выше его, но только в самом начале (то есть имеет нисходящий рисунок от регистра «8» к регистру «9»), тогда как первый слог значительно выше двух других. Тип III характеризуется резко нисходящим (иногда восходяще-нисходящим) движением тона во втором слоге и относительно высоким первым слогом. В типе VI первый слог выше второго, а оба они значительно выше третьего. Тип IV характеризуется почти одинаковой средней высотой тона в первом и третьем слогах, второй же слог является нисходящим («2» — «4» или «3» — «5»). В типе V первый слог выше третьего, а оба они выше второго. Те же типы тонов обнаруживаются и у двусложных, четырехсложных и т.д. слов. Из составленного К. Доком довольно длинного попарного перечня слов, в котором один член пары отличается от другого только высотой тона (соответственно движением тона), следует, что перечисленные слова принадлежат к двум разным «тональным типам». Так, например, слово, три слога которого имеют регистры «5», «3» и «9» (= тональный тип I), может отличаться от «равнофонемного» слова либо регистрами «2», «7» и «4» (= тональный тип V), либо регистрами «3», «3» — «8» и «9» (= тональный тип III) и т.д., но только не регистрами «4», «2» и «9», поскольку в этом случае второе слово тоже оказалось бы принадлежащим к «тональному типу I». Иными словами, в зулу смыслоразличительная функция присуща не девяти регистрам, а лишь тональным типам. Но тональные типы являются всего лишь тем или иным сочетанием трех ступеней высоты. Следовательно, и в зулу мы находим систему из трех тональных ступеней или смыслоразличительных регистров. Приведем еще один пример. Язык гвеабо (Либерия), о котором у нас неоднократно шла речь, имеет, согласно данным Э. Селира, четыре регистра со смыслоразличительной функцией². Что речь здесь идет о действительно смыс-

¹ Cp. Clement M. D o k e, The phonetics of Zulu language, «Bantu studies», II, July 1926 (Special Number)

² «Language», VII, 1931, стр. 33 и сл.

лоразличительных единицах (а не о фонетических вариантах, как в случае с девятью регистрами языка зулу), отчетливо видно из приведенных Э. Сепиром примеров. Однако на стр. 35 мы обнаруживаем, что в гвеабо существует особая корреляция регистра, причем «чистые» гласные имеют так называемый «нормальный», или «второй», регистр, тогда как прочие три регистра характерны для «сиплых», или «нечистых», гласных. Так как чисто музыкальное различие между «вторым» («нормальным») и «третьим» («средним») регистром не должно быть очень значительным и «нормальный» регистр, как правило, связан с чистым, а «средний» в противоположность этому — с нечистым («сиплым») образованием голоса, то противоположение «нормального» и «среднего» регистров следует рассматривать как фонологически несущественное явление, сопутствующее противоположению чистого и нечистого («сиплого») образования голоса. С другой стороны, как «высокий», так и «низкий» регистры в гвеабо связаны, как правило, с нечистым образованием голоса, и поэтому последнее для (крайних) регистров является чем-то само собой разумеющимся и фонологически несущественным. Таким образом, гвеабо имеет не четыре, а три тональных регистра с фонологической функцией: высокий, средний и низкий и, кроме того, у гласных среднего регистра — «корреляцию сиплости». При этом чистые гласные характеризуются несколько более высоким тоном, чем соответствующие им «сиплые». Из этого следует, что пока мы не имеем ни одного надежного примера, который свидетельствовал бы о существовании языка с более чем тремя тональными регистрами со смыслоразличительной функцией¹.

Объяснение этого факта следует искать в свойствах самих оппозиций по регистру. Очевидно, абсолютная высота тона в этом случае не играет никакой роли. Ибо, как совершенно правильно замечает У. Ердман², язык создан не только для людей с абсолютным слухом. Но и понятие относительной высоты и тона тоже нуждается, как правильно усмотрел тот же Ердман, в значительных ограничениях; ведь то, что для женского голоса

¹ Этому не противоречит такая система регистров, которая представлена в готтентотском языке нама (ср. D. M. B e a c h, The phonetics of the Hottentot language, Кар. IX, стр. 124—143), где хотя и имеются три регистра, но в каждом регистре различаются восходящий и нисходящий «тоны». Восходящий высокий тон предполагает, очевидно, движение от высокого регистра к еще более высокому; равным образом нисходящий низкий тон (который, впрочем, оказывается подлинно нисходящим лишь в двусложных словах, а в остальных случаях является «ровным») предполагает движение от низкого регистра к еще более низкому. В действительности здесь каждый регистр следует представлять себе не в виде точки, а в виде линии, по которой происходят оба тональных движения. Примечательно также, что эти движения охватывают лишь очень небольшой интервал: для восходящего высокого тона и нисходящего среднего тона — интервал в один тон, для восходящего низкого тона и нисходящего высокого тона — интервал в полтона (ср. таблицу у Бича, цит. раб., стр. 131, а также 141); и только восходящий средний тон имеет интервал в одну терцию (четыре полтона) и представляет собой действительно движение от среднего к высокому регистру.

² Ср. O. G j e r d m a n, Critical remarks on intonation research, «Bull. of the school of Oriental studies», III, стр. 495 и сл.

является «низким», для мужского голоса оказывается «высоким», тем не менее противоположения по регистру свойственны всем членам данного языкового сообщества, и каждый слушатель сразу понимает, какой «тон» имеет в виду говорящий, даже если он никогда раньше не слышал своего собеседника. Наконец, Ердман совершенно правильно подчеркивает, что язык создан не только для того, чтобы говорить громко, но и для того, чтобы разговаривать шепотом. Из этого шведский фонетист, по-моему, с полным основанием делает вывод, что в противоположениях по регистру существенными являются качественные изменения гласного и голоса, связанные с изменением высоты тона. Если согласиться с этим положением Ердмана, то мы, возможно, найдем объяснение и фонологической двух- или трехступенчатости противоположений по регистру. Ибо точное различение большого числа тонов, хотя бы только с помощью сопутствующих качественных нюансов голоса, при шепоте невозможно, а при громкой речи доступно лишь особо музыкальным людям. В противоположность этому любой человек по качеству гласного и по голосу говорящего сразу узнает, как он говорит: в нормальном («среднем») регистре или же нормальным для него является более высокий или низкий голос. Из всего этого вытекает, как кажется, возможность существования максимум трех регистров.

Иной раз нелегко определить, с чем мы имеем дело: с корреляцией регистра или же с корреляцией движения тона. Там, где слог в низком тоне находится между двумя слогами с высоким тоном (как в трехсложном типе V языка зулу или в приведенном выше слове *_a-ta_o-ta* из языка лонкундо), можно не сомневаться в наличии корреляции регистра, поскольку корреляция движения тона предполагает словесное ударение, то есть такое положение, когда какой-либо слог или мора в составе слова «выделяется» на фоне других. Однако для тех языков, где слова, как правило, состоят не более чем из двух мор, этот критерий отпадает. Однако практически даже эти языки содержат известные признаки, позволяющие принять однозначное решение. Южнокитайский (например, кантонский диалект) у двухмерных слогиносителей различает шесть «тонов», а именно: низкий—ровный, высокий—ровный, низкий—нисходящий, высокий—нисходящий, низкий—восходящий, высокий—восходящий¹. Ясно, что эту систему тонов можно понять лишь при допущении системы из трех регистров (таким образом, например, слог *faŋ*, имеющий в зависимости от «тона» шесть значений, следовало бы трактовать следующим образом: *faŋ* «доля», *fañ* «спать», *fañ*

¹ Cp Daniel Jones and Kwing Tong Woo, *A Cantonese phonetic reader* (Univ. of London Press), а также Liu Fu, *Études, expérimentales sur les tons du chinois*, Paris — Peking, 1925, теперь еще Jaime de Angulo в «*Le Maître phonétique*», 3^{ème} série, № 60, 1937, стр. 69

«порошок», fāp «сердиться», fāp «делить», fāp «жечь»). Отсюда и два «кратких» (одномерных) тона следует трактовать не как ударный и неударный, а как «высокий» и «низкий». Наоборот, в северо-китайском, где имеются только четыре тона (два долгих, то есть двухмерных, и два кратких, то есть одномерных), нет никакой необходимости допускать существование регистров: здесь существует «ударение», которое в двухмерных словах выделяет либо первую, либо вторую мору, а в одномерных словах — либо имеется наличие, либо отсутствует.

г) Корреляция ударения

В этом разделе, посвященном смыслоразличительным функциям звука, речь может идти только о так называемом свободном ударении, то есть о таком ударении, положение которого внутри слова не обусловлено внешне и с помощью которого при случае можно дифференцировать значения слов (например, русск. *мука* — *му́ка*). Ударение можно определить как *в е р ш и н о о б р а з у ю щ е е в ы д е л е н и е* просодемы. Фонетически это выделение реализуется разными путями: с помощью экспираторного усиления, с помощью повышения высоты тона, с помощью удлинения, с помощью тщательной и энергичной артикуляции того или иного гласного или согласного. Для языков со свободным ударением фонологически существенным является, во-первых, то, что такое выделение в каждом слове происходит лишь в одном-единственном месте, причем данная просодема (соответственно данная часть слова) превалирует над всеми прочими просодемами данного слова, а не эти последние превалируют над ней, и, во-вторых, то, что в словах с одинаковым числом просодем выделение не обязательно падает на одну и ту же просодему, в результате чего оказываются возможными такие пары слов, которые отличаются друг от друга только местом вершины.

Свободное ударение принимает в разных языках весьма различные формы. Весьма существенным при этом оказывается различие между слогосчитающими и моросчитающими языками. Проще всего, пожалуй, обстоит дело в тех слогосчитающих языках, где корреляция ударения является единственной корреляцией просодического характера: в Европе к таким языкам относятся русский, украинский, румынский, болгарский, новогреческий, итальянский, испанский, португальский. В некоторых из этих языков ударные гласные оказываются продленными, а безударные — как количественно, так и артикуляционно редуцированными. Сложнее обстоит дело в тех слогосчитающих языках, которым, помимо сво-

бодного ударения, свойственна еще просодическая корреляция при-
мыкания, а именно корреляция усечения слога. Здесь, таким обра-
зом, перекрещиваются две просодические корреляции. Каждая из
них в своей фонетической реализации обнаруживает известное от-
ношение к длительности звука, поскольку ударный слогоноситель
является более долгим, чем неударный, а полноартикулируемый —
более длительным, чем усеченный. К этому присоединяется еще
наличие грамматически обусловленного второстепенного ударения,
которого, видимо, никогда не бывает в слогосчитающих языках
без корреляции усечения слога, и это весьма усложняет просоди-
ческую картину.

В моросчитающих языках со свободным ударением вершинооб-
разующим может быть либо одномерный слог, либо первая мора
двухмерного слога, либо, наконец, последняя мора двухмерного
слога. Здесь, таким образом, «краткие» (одномерные) слоги рас-
падаются на ударные и безударные, а «долгие» (двухмерные) сло-
ги — на нисходяще-ударные, восходяще-ударные и безударные.
Обычно в таких случаях принято говорить, что краткие имеют «одно
ударение», а долгие — «два типа ударения». Противоположение
между двумя типами ударения на двухмерном слоге можно рас-
сматривать как противоположение по движению тона или как к о р -
р е л я ц и ю д в и ж е н и я т о н а. Здесь мы имеем дело с прива-
тивной оппозицией. Следовательно, один из двух типов движения
тона является «немаркированным»; наряду с четко выраженной
неравномерной (нисходящей или восходящей) реализацией он
может иметь в качестве факультативного варианта также «ровное
движение тона». Какой из этих двух типов движения тона является
немаркированным, зависит исключительно от характера того или
иного языка.

Кроме языков с пятью типами слогов (одномерный ударный,
одномерный безударный, двухмерный безударный и два типа двух-
мерных ударных), есть языки всего лишь с четырьмя типами сло-
гов, в которых либо все ударные слоги являются двухмерными
(например, словинский говор кашубского)¹, либо все безударные
слоги являются одномерными (например, в словенском языке).

Таким образом, во втором случае получается система из одно-
мерных слогов с низким тоном, одномерных слогов с высоким
тоном, двухмерных слогов с положительным движением тона и
двухмерных слогов с отрицательным движением тона; в первом
случае получается система из одномерных (всегда безударных)

¹ Cp. F. Lorentz, *Slovinzische Grammatik*, St. Petersburg, Akad. der Wiss., 1903,
а также N.S. Trubetzkoy в TCLP, I, стр. 64.

словов, двухмерных слогов с выделением одной (первой или второй) части, двухмерных слогов с выделением другой части и двухмерных слогов без выделения обеих частей. Ясно, что н е в ы д е л е н и е обеих частей двухмерного слога по существу равносильно р а в н о м е р н о м у выделению обеих частей двухмерного слога: словинский просодический инвентарь, таким образом, в принципе идентичен просодическому инвентарю эстонского языка, о котором уже шла речь выше (стр. 210). Но может случиться и так, что двухмерный слог с равномерным выделением обеих мор фонологически противостоит двухмерному слогу без выделения обеих мор; тогда обе моры окажутся в оппозитивных отношениях к восходящим и нисходящим двухмерным слогам. Так возникают системы с шестью просодически различными типами слогов, которые представлены, например, в некоторых китайских диалектах.

Моросчитающие языки со свободным ударением необязательно должны иметь корреляцию движения тона. Существуют такие моросчитающие языки, которые характеризуются свободным ударением и в которых тем не менее долгий (двухмерный) слоگونоситель отмечен одним типом ударения. Наиболее надежным из известных нам примеров является датский язык, с одной стороны, и упоминавшийся выше язык хопи — с другой. Видимо, не случайно, что в этих двух языках свободное ударение сосуществует с просодической корреляцией примыкания (корреляция толчка в датском и корреляция усечения слога в хопи).

Как уже говорилось, вершинообразующее выделение может отмечать обе моры двухмерного слога. В отдельных (впрочем, весьма редких) случаях вершинообразующее выделение распространяется на всю группу следующих друг за другом мор, не считаясь с границами слога. Такие случаи засвидетельствованы в западнояпонских диалектах¹. В говоре Киото такой ряд слогов (мор) с высоким тоном может быть только в начале слова; он захватывает, таким образом, основу и иногда просодически несамостоятельный суффикс, примыкающий к ней непосредственно, например: *ûsî* «корова», им. *ûsîgà* (но лимитатив *ûsimade*). Однако в говоре Тоса такой ряд мор с высоким тоном может занимать любое место в слове, например *asâgà* «конопля» (им.) и т.д. Из приведенных Е.Д. Поливановым (цит. раб., стр. 135 и сл.) образцов текста явствует, что подобные ряды мор с высоким тоном иной раз могут быть весьма длинными (до семи мор)². Такие состоящие из многих просодичес-

¹ Ср. Е.Д. Поливанов, Введение в языкознание для востоковедных вузов, Л., 1928, стр. 120 и сл.

² Ср. R. Jakobson в TCLP, IV, стр. 172 и сл.

ких единиц вершины засвидетельствованы, правда, лишь в очень немногих языках мира. В слогосчитающих языках они, во всяком случае, немислимы.

Если вершинообразующее выделение, как только что было показано, может охватить иной раз целый ряд следующих друг за другом мор, то, спрашивается, не может ли оно затронуть только определенную часть моры? Возможны ли при свободном удареии одномерные различия в движении тона со смыслоразличительной функцией? Мы полагаем, что на эти вопросы следует ответить отрицательно. Там, где такое противоположение по движению тона в пределах одной моры имеет место, там оно оказывается реализацией противоположения ударных и безударных мор. Следующие два примера особенно характерны в этом отношении. Упомянутый выше западнояпонский говор Киото отличает равномерное охватывающее всю мору ударение (Поливанов обозначает его значком Г слева от соответствующей моры) от нисходящего одномерного удареия (Поливанов обозначает его значком ^ над соответствующим гласным).

Примеры: [a Γsa «конопля» — [asâ «утро», [ka Γme «ваза» — [kamê «черепаша», [ku Γzi «ветошь» — [kuzû «мука арроурт» и т.д. И вот оказывается, что равномерное выделение моры в данном говоре обнаруживается либо в начале слова, затрагивая в этом случае первую мору слова или целый ряд мор, либо же оно падает на последнюю мору слова и в таком случае может исчезнуть перед словом, начинающимся с ударной моры; факультативно оно может еще отмечать конечный слог длинного слова с ударным первым слогом (ср. Е.Д. П о л и в а н о в, цит. раб., стр. 136, прим. 16 и 20, к Γa [tamanî Γ wa и Γkoku Γ tmosu Γ wo). Такое равномерное ударение на последней море основы с неначальным ударением обязательно при присоединении так называемых суффиксов с низким тоном (например, суффикса адитива -mo; ср. формы [côt Γto Γmo ki:

Γde Γmo, nan Γde Γmo в приводимых Поливановым образцах текстов); при присоединении просодически нейтральных суффиксов к основе с неначальным ударением равномерное ударение переносится на конечный слог (то есть слог суффикса) целого слова, например: [a Γsa «конопля» — им. [asa Γпа. Все эти факты доказывают, что равномерное ударение имеет смыслоразличительную значимость лишь на первой море (соответственно ряде мор) слова, в остальных же положениях оно выполняет лишь делимитативную функцию. Напротив, одномерное нисходящее ударение падает только на второй слог определенных основ и сохраняется здесь независимо от того, какой суффикс присоединяется (ср. в приведенных выше текстах такие слова, как madôwo, arâsimahen, hayêsimahen). Другими словами, последнее обладает точно такой же функцией на втором слоге, какой обладает равномерное ударение на первом слоге слова. Таким образом, краткое нисходящее ударение в говоре Киото следует

рассматривать как комбинаторный вариант смысловоразличительного высокого тона на перерыве моры слова. В противоположность этому равномерное одномерное ударение на перерыве моры (поскольку она не является последним членом многосложной вершины слова) следует трактовать как комбинаторный вариант отсутствия тона с функцией пограничного сигнала: оно указывает на границу между безударной морфологической единицей и следующей за ней единицей, начинающейся с безударной моры. В китайском диалекте Цзиньчжоу два так называемых кратких тона северокитайского языка реализуются таким образом, что «второй» оказывается восходящим, а «четвертый» — нисходящим. В этом случае речь идет всего лишь о реализации «одномерного выделения» и «одномерного невыделения». Это видно из того, что в том же диалекте «первый» двухмерный тон, при котором обычно начало выделяется, а конец нет, реализуется как восходяще-нисходящий, а «третий» тон, который обычно характеризуется выделением конечной части при отсутствии такового в начальной части, произносится как нисходяще-восходящий¹.

«Свобода» ударения не всегда безгранична. Ограничения встречаются как в слогосчитающих, так и в моросчитающих языках со свободным ударением. В лезгинском (кюринском), арчинском и некоторых других слогосчитающих языках восточного Кавказа ударение может падать либо только на первый, либо только на второй слог слова, и это ограничение действительно также для такого моросчитающего языка, как язык хопи. В новогреческом и итальянском (которые принадлежат к слогосчитающим языкам) ударение может падать только на один из трех последних слогов слова. В древнегреческом (ионическо-аттическом) ударение тоже падало только на один из трех последних слогов слова. Но поскольку древнегреческий был моросчитающим языком, то формула ударения была несколько более сложной. Согласно Р. Якобсону, правило аттического ударения может быть сформулировано следующим образом: интервал между ударной морой и конечной морой слова не может выходить за пределы одного слога². Поэтому такие сочетания, как $\acute{\cup} \cup \cup$ (στέφανος) и $\acute{\cup} - \cup$ (δέδωκα), были возможны, а такие сочетания, как $\acute{\cup} \cup -$ (где между ударной и конечной морями оказывался бы один слог + одна мора), невозможны. В латышском языке ударение падает всегда на первый слог; но при этом долгие слогиносители в указанном положении характеризуются наличием корреляции движения тона, иными словами, здесь может выделяться только одна из первых двух мор слова и только

¹ Ср. Е.Д. Поливанов, цит. раб., стр. 118 и сл., а также Е.Д. Поливанов и Н. Попов-Татива. Пособие по китайской транскрипции, М., 1928, стр. 90 и сл.

² Ср. R. Jakobson, Z zagadnień prozodji starogreckiej, «Prace ofiarowane Kaz. Wójcickiemu», Wilno, 1937, стр. 73—88.

при условии, если она относится к первому слогу. В эстонском языке, где, как уже говорилось, в первом слоге слова различаются, помимо краткого, еще три долгих ударения (ступени долготы) — нисходящее, ровное и восходящее, — действует по существу то же правило, что и в латышском. Но здесь в отдельных заимствованных словах с кратким первым слогом второй становится ударным, так что с точки зрения современного состояния языка выделение может приходиться не только на две моры первого слога, но и вообще на одну из двух первых мор слова (независимо от того, принадлежат они к одному и тому же слогу или к разным). В так называемых моносиллабических языках, где слово (точнее, морфема)¹ может иметь не менее одной моры и не более двух мор в пределах одного слога, уже одно только это обстоятельство налагает ограничения на свободу ударения (в той мере, в какой она вообще существует в этих языках): сюда принадлежат, например, северокитайский², сиамский, бирманский и др.

Языки, характеризующиеся наличием фонологически значимой корреляции (свободного) ударения, вовсе не обязаны выделять ударением какую-либо просодему в каждом слове. Даже независимо от неударных проклитических и энклитических словечек, которые имеются почти в каждом языке и с точки зрения их грамматической функции «несамостоятельны», во многих языках существуют грамматически вполне «нормальные» самостоятельные слова без ударения. Такие слова могут принимать особое ударение лишь факультативно, в составе словосочетания, причем подобное ударение должно расцениваться как комбинаторный вариант отсутствия тона, выполняющий разграничительную функцию. Так, в древнегреческом языке «акут» последней моры слова реализуется в определенных словосочетаниях и в определенных положениях слова в предложении. Во всех же других случаях он замещается «грависом», то есть отсутствием тона. Точно так же в западнояпонском говоре Киото ровное ударение на последней море многосложного слова является лишь комбинаторным вариантом отсутствия тона (ср. выше, стр. 222). В литературном словенском языке в тех словах, которые не имеют ни одного двухмерного слога, ударение несет на себе последний (одномерный) слог; если этот слог является открытым, то ударение может факультативно оттягиваться на предпоследний (равным образом одномерный) слог. Статистика распределения ударений в словенской поэзии показывает, однако, что краткие ударные слоги ве-

¹ Ср. А. Иванов и Е. Поливанов, Грамматика современного китайского языка, М., 1930

² Но не южнокитайский! Ср. сказанное выше о кантонском диалекте (стр. 218)

дут себя как безударные¹, и это, естественно, вытекает из того обстоятельства, что место кратких ударных слогов в слове не свободно, а регулируется внешними факторами; в результате оно не способно дифференцировать слова с одинаковой квантитативной структурой².

Подобным же образом можно истолковать и особенности ударения в тех штокавских диалектах, которые лежат в основе сербохорватского литературного языка. Станным в этих диалектах является уже одно только наличие двух типов короткого ударения. Ведь всюду, где краткие слогиносители отмечены различиями в движении тона, одно из двух «кратких ударений» должно рассматриваться как (комбинаторная или некомбинаторная) реализация безударности, отсутствия тона³. В сербохорватском литературном языке положение вещей таково, что подлинно «свободное» ударение является восходящим как в кратких, так и в долгих слогах, причем начало последующего слога совпадает по высоте тона с концом ударного слога. Это соучастие соседнего слога является безусловно необходимым моментом в фонетической реализации свободного ударения в сербохорватском языке. Таким образом, свобода ударения ограничена здесь тем, что оно не может падать на последний слог слова. За вычетом этого свободного («восходящее») ударение может занимать любое место в многосложных словах как в долгих, так и кратких слогах. Многие пары слов различаются только местом этого ударения, например: *mālina* «малина» — *malina* «малость», *pjevačica* «кукушка» — *pjevāčica* «певница», *razložiti* «судить» — *razlōžiti* «разлагать», *imānje* «приход» — *imānje* «собственность» и т.д. При этом место такого ударения в слове совершенно не зависит от контекста. Иначе обстоит дело с так называемыми кратким и долгим нисходящими ударениями. В противоположность «восходящему», которое характеризуется почти исключительно музыкальными свойствами и (в той мере, в какой оно падает не на первый слог) не связано со сколько-нибудь значительным экспираторным усилием, «нисходящее» ударение является по преимуществу экспираторным. Нисходящее движение тона более или менее отчетливо распознается лишь при наличии долготы в слоге, имеющем это ударение; «краткое нисходящее» ударение в противоположность этому очень часто реализуется лишь в виде экспираторного усиления при ровном движении тона в относительно низком регистре. Если слоги, следующие за «восходящим» ударением, звучат довольно громко, то слоги, следующие за «нисходящим» ударением, произносятся совсем тихо, почти шепотом, благодаря чему со всей отчетливостью проявляется громкость, то есть экспираторная сила «нисходящего» ударения. Но что особо характеризует «нисходящее» ударение в противоположность «восходящему», так это его связанность. «Нисходящее» ударение в сербохорватском литературном языке может падать только на первый слог слова или соответственно тес-

¹ Cp. A. V. Isačenko, Der slovenische fünffußige Jambus, «Slavia», XIV, стр. 45 и сл., особенно 53.

² R. Jakobson в TCLP, IV, стр. 173 и сл.

³ Cp. R. Jakobson, цит. раб., стр. 174.

ного словосочетания. Если «восходящее» ударение сохраняет свое место в слове независимо от фразового контекста, то «нисходящее» ударение первого слога слова исчезает, как только это слово вступает в тесную связь с предшествующим словом: *jàrica* «яровая пшеница» — *za jàricu* «за яровую пшеницу», но *jàrica* «козочка» — *zà jàricu* «за козочку»; *prèdati* «переходить» — не *prèdati* «не переходить», но *prèdati* «пугаться» — не *predati* «не пугаться» и т.д. Таким образом, «нисходящее» ударение в сербохорватском литературном языке (как краткое, так и долгое) является всего лишь комбинаторным вариантом отсутствия тона, выполняющим делимитативную функцию: оно указывает на то, что данное слово (на первый слог которого оно падает) не образует тесного единства с предшествующим словом. Тем самым становится понятным также, почему прежние грамматики сербохорватского языка не давали никаких указаний относительно «краткого нисходящего» ударения, а для «долгого нисходящего» ударения использовали тот же самый диакритический значок, что и для безударного долгого¹.

В рассмотренных выше случаях слова без смысловозначительного ударения противопоставались словам со смысловозначительным ударением на каком-либо слоге или море. С другой стороны, мы установили, что в отдельных языках (например, в западно-японских диалектах) выделение с помощью ударения может охватывать целый ряд следующих друг за другом просодем, причем этот выделенный с помощью ударения ряд просодем при случае составляет целое слово (например, в говоре Киото *ʔusigaʔ* «корова» — им. и род. п.). Теперь можно еще представить себе язык, который имел бы всего два типа слов: слова с выделением всех просодем, с одной стороны, и слова без выделения просодем — с другой. Такие языки, видимо, существуют на самом деле: сюда, по нашему мнению, следует отнести описанный Е.Д. Поливановым говор деревни Миэ (префектура Нагасаки)². Правда, сам Е.Д. Поливанов говорит не о выделенных и невыделенных, а об окситонных и баритонных словах, считая характерным для первых восходящее, а для последних нисходящее движение тона. Однако из его описания вытекает, что в многосложных «баритонных» словах гласные (особенно *i*, *u*) часто реализуются как глухие, а в исходе слова иной раз даже совершенно выпадают (*kjta* «север», *kjku*, *kjku* «слышать», *hasj*, *has* «мост»), тогда как в «окситонных» словах это невозможно; далее из его описания видно, что восходящее движе-

¹ Подробнее об этом см. в основополагающем исследовании Р. Якобсона «Die Betonung und ihre Rolle in der Wort- und Syntagnaphonologie», TCLP, IV, стр. 164 и сл., особенно 176 и сл.

² Е.Д. Поливанов, Введение в языкознание для востоковедных вузов, Л., 1928, стр. 70 и сл.

ние тона не всегда затрагивает всю последнюю мору «окситонных» слов, что эта мора часто завершается нисходящим движением тона, а при эмфазе оказывается даже ниже предпоследней моры. Поэтому мы полагаем, что фонологически существенным для двух типов слов в говоре деревни Миэ является не противоположение по движению тона, а противоположение общего выделения и общего невыделения слова в целом. Это противоположение существует здесь как в односложных, так и в многосложных словах.

Если, как было показано выше, отдельные языки со свободным ударением могут иногда иметь слова, лишенные ударных слогов, то, с другой стороны, некоторые другие языки в отдельных словах имеют и е с к о л ь к о ударных слогов, причем, само собой разумеется, вершинообразующим следует считать только один из этих слогов, тогда как прочие характеризуются или второстепенными тонами, или второстепенными ударениями. Здесь, разумеется, имеются в виду лишь фонологически значимые ударения. В самом деле, в любом языке со свободным ударением безударные слоги не все одинаково слабые или одинаково низкие. Во многих языках динамическая или хроматическая грация безударных слогов регулируется все же совершенно автоматически наличием определенного ритма чаще всего так, что просодемы, являющиеся четными (в ту или другую сторону) по отношению к вершинной просодеме, оказываются несколько более выделенными, чем нечетные просодемы, или же так, что последний или первый слог слова принимает на себя второстепенное ударение. Все эти явления не имеют никакой значимости с фонологической точки зрения. Существуют, однако, языки, в которых место второстепенных ударений регулируется не автоматически, а «этимологически» и, таким образом, оказывается фонологически значимым. Так, например, сложные слова в немецком языке, помимо основного ударения, имеют еще второстепенное ударение на каждом корневом слоге (*Eisenbahn* «железная дорога», *Hörschule* «высшее учебное заведение»), причем сопредельные префиксы и суффиксы ведут себя как корневые слоги (*unternehmen* «предпринимать», *Judentum* «еврейство», *Botschaft* «посольство» и т.д.). Свобода немецкого ударения, иными словами, способность главного ударения дифференцировать своим местом разные слова, существует лишь в рамках оппозиции «главное ударение — второстепенное ударение» (например, *übersetzen* «переправлять(ся)» — *übersetzen* «переводить»). Аналогичные отношения господствуют и в других германских языках (поскольку они имеют «свободное» ударение), тогда как романским, славянским и балтийским языкам, имею-

щим свободное ударение, этимологическое второстепенное ударение неизвестно. Зато это явление широко распространено в ряде американских языков (например, в хопи, пуэбло [Таос] и др.). Так как из всех современных индоевропейских языков германские языки в большей мере, нежели другие, обнаруживают пристрастие к сложным словам, а американские языки со своей стороны известны своим «полисинтетизмом», то активное использование основосложения можно, пожалуй, рассматривать как предпосылку существования второстепенных ударений со смыслоразличительной функцией. Все это явление в целом следовало бы рассмотреть в связи с общим учением о вершине слова.

В заключение несколько замечаний по поводу фонетической реализации ударения. В принципе ударение в моросчитающих языках связано с повышением тона, а в слогосчитающих языках — с удлинением его. Однако повышение тона в ударном слоге происходит наряду с удлинением и экспираторным усилением и в слогосчитающих языках. Ведь во многих слогосчитающих языках ударные и безударные слоги почти не отличаются друг от друга по длительности. И наоборот, в некоторых моросчитающих языках различия в движении тона в ударных слогах имеют скорее экспираторный, нежели музыкальный характер; во многих из этих языков ударные слоги (или моры) оказываются продленными. В северокашубском и литовском языках безударные двухмерные слогиносители произносятся короче, чем ударные («полудолгие»). В дифтонгических слогиносителях литовского языка в нисходящем тоне первый компонент дифтонга имеет большую длительность, чем второй, а в восходящем тоне, наоборот, длительность первого компонента меньше длительности второго. В эстонском языке реализация различий в движении тона в монофтонгических слогиносителях связана с градациями количества. Все эти случаи показывают, что реализация вершинообразующего выделения просодемы не обязательно совпадает с противоположениями, характерными для невершинообразующей дифференциации просодем (совершающейся в морях с помощью тона, а в слогах с помощью интенсивности). Здесь можно установить лишь одно правило: если в данном языке свободное ударение существует наряду с невершинообразующей дифференциацией просодем, то для реализации ударения нельзя использовать те же средства, что и для дифференциации. Это правило проливает свет на просодические отношения в сербохорватском литературном языке. Из сказанного выше следует, что свободное ударение в данном языке реализуется почти исключительно путем повышения тона ударного слога¹. Но, с другой сто-

¹ То, что ударный слог при этом является не просто высоким по тону, а (по крайней мере в большинстве случаев) восходящим, может, видимо, найти свое объяснение в «синтагматической фонологии», а именно в стремлении по возможности четче отделить свободное ударение от разграничивающего акцента. Хотя самым существенным для последнего является именно экспираторная сила, но он является нисходящим, поскольку имеет еще и музыкальную сторону.

роны, литературный сербохорватский вовсе не относится к моросчитающим языкам. В нем нет ни одного из тех шести признаков, благодаря которым опознается моросчитающий язык (наличие различий по движению тона типа *vgāta* «шеи» — *vgāta* «дверь» ничего не доказывает, поскольку то же самое различие имеется и в кратких слононосителях; ср. *jārica* «козочка» — *jārica* «яровая пшеница»). Это значит, что литературный сербохорватский язык следует считать слогосчитающим. И если свободное ударение в нем реализуется почти исключительно как музыкальное, то причиной этого, по всей вероятности, является существование в этом языке наряду со свободным ударением невершинообразующей дифференциации просодема (= слононосителей), которая, как и в любом слогосчитающем языке, реализуется в виде просодической корреляции интенсивности. Впрочем, другие примеры сосуществования свободного ударения и корреляции по признаку невершинообразующей дифференциации нам не известны.

Г. Просодические признаки примыкания

а) Корреляция «толчка»

Просодические противоположения по признаку примыкания распадаются на корреляции преломления тона, или (что лучше) «толчка», и корреляции усечения слога. Те и другие корреляции рассматривались нами выше (стр. 203, 207) в другой связи; теперь мы должны познакомиться с ними несколько ближе.

Прежде всего необходимо предостеречь от смешения корреляции «толчка» с родственными ей фонетически, но совершенно иными в фонологическом плане явлениями. Не всякое соединение гласного с полной или неполной гортанной смычкой следует считать «гласным с толчком» в плане рассматриваемой нами сейчас корреляции. В тех языках, где гортанно-смычный является особой фонемой, такое соединение следует рассматривать как сочетание фонем (иными словами, как группу из двух фонем). В этих языках звукоряд *aʔa* является двухсложным. Корреляция «толчка» отсутствует далее в таких языках, как *ачумави*, где особый «толчок» («реартикуляция») автоматически появляется там, где вторая мора двухмерного гласного имеет иной регистр, чем первая мора¹; в этом случае «толчок» представляет собой явление чисто фонетического порядка, сопутствующее изменению регистра внутри двухмерного слононосителя. Нет подлинной корреляции «толчка» и в таких языках, как бирманский, где обе «краткие», то есть одномерные «тонемы» в противоположность обеим «долгим» «тонемам» завершаются гортанной

¹ Ср. H.J. Uldall, A sketch of Achumawi phonetics, «Intern. Journ. of Amer. Lingu.», VIII, 1933, стр. 75 и 77.

смычкой. Последняя является более энергичной в высоком кратком тоне, чем в низком, и ее, таким образом, следует рассматривать просто-напросто как сопутствующий сигнал «одномерности»¹.

За исключением этих и им подобных случаев, у нас все еще останется значительное число языков с подлинной просодической корреляцией «толчка». В ряде языков такая корреляция оказывается возможной лишь у двухмерных слогиносителей; в других языках она обнаруживается как у двухмерных, так и у одномерных слогиносителей; однако, видимо, нет ни одного языка, в котором корреляция «толчка» была бы связана лишь с краткими (одномерными) слогиносителями, не затрагивая при этом долгих (двухмерных) слогиносителей. Точно так же нам не известны и языки с одной корреляцией «толчка» без просодических различий по количеству. А поскольку различия по количеству в связи с корреляцией «толчка» должны расцениваться как корреляция геминации, то естественно, что корреляция «толчка» может иметь место только в языках с просодической корреляцией геминации, иными словами, в моросчитающих языках.

Для двухмерных слогиносителей корреляция «толчка» сводится к противоположению по способу связи двух «мор». В слогиносителе с «толчком» первая часть отделяется от второй (полной или неполной) смычкой голосовой щели; в результате возникает акустическое впечатление двух следующих друг за другом звуков или внезапного перехода от нормального голоса к шепоту в пределах одного звука. В слогиносителе без «толчка» мы наблюдаем обратное явление: постепенный и непосредственный переход от начальной части к конечной без сколько-нибудь заметного перерыва. Что касается одномерных слогиносителей, то корреляция «толчка» сводится здесь к противоположению по способу связи слогиносителя с последующим согласным: в этом случае одномерный слогиноситель (то есть, как правило, краткий гласный) либо отделяется от последующего согласного полной гортанной смычкой (и, следовательно, полным перерывом голоса), либо же примыкает к нему непосредственно². Таким образом, у двухмерных слогиносителей «толчок» оказывается внутри слогиносителя, а у одномерных —

¹ Cp. J. R. Firth, Notes on the transcription of Burmese, «Bull. of the School of Orient. stud.», VII, стр. 137 и сл.

² Такие краткие гласные с «толчком» имеются, между прочим, в некоторых датских наречиях; проф. Кристен Мёллер (Орхус), родной диалект которого имеет эту особенность, любезно привел мне несколько слов с этой особенностью. У меня сложилось впечатление, что общая длительность кратких гласных и следующего за гортанной смычкой перерыва в голосе почти равна длительности обычных долгих. У двухмерных слогиносителей с «толчком», судя по тому, как их произносит Мёл-

в конце его; в обоих случаях слогоносители, имеющие «толчок», противопоставляются слогоносителям без какого-либо перерыва голоса, будь то внутри или в конце гласного. Здесь, таким образом, во всех случаях речь идет о способе примыкания моры к следующему за ней элементу — ко второй ли море двухмерного слогоносителя (то есть долгого гласного, дифтонга или сочетания гласного с сонантом) или к согласному, находящемуся вне слогоносителя; иными словами, здесь речь идет о том, как происходит примыкание: непосредственно или с помощью резкого «толчка», внезапного рассечения.

б) Корреляция усечения слога

Совершенно очевидно, что корреляция усечения слога тоже относится к категории просодических противоположений по способу примыкания. Ведь по существу эта корреляция является не чем иным, как противоположением так называемого сильного и слабого примыканий вокалического слогоносителя к следующему согласному. Если при этом гласный с сильным примыканием оказывается короче гласного со слабым примыканием, то мы имеем всего лишь фонетическое явление вторичного порядка. При сильном примыкании согласный появляется в тот момент, когда процесс произнесения гласного еще не достиг кульминационного пункта в его обычной восходяще-нисходящей артикуляционной кривой. При слабом примыкании артикуляция гласного завершается полностью еще до приступа согласного. Сильное примыкание как бы «отсекает» конец гласного, в результате чего «усеченный» гласный должен быть короче обычного, неусеченного гласного. Корреляция усечения слога покоится, таким образом, на привативной оппозиции, немаркированным членом которой является «неусеченный» полноартикулируемый гласный без сильного примыкания к последующему согласному. Отсюда становятся ясными и результаты нейтрализации этой корреляции: она нейтрализуется в исходе слова или перед гласным, причем, само собой разумеет-

лер, перерыва не слышно, зато слогоноситель явно распадается на две части: громкую и тихую, причем граница между ними резко очерчена; их общая длительность равным образом почти совпадает с длительностью обычных (то есть не сопровождающихся «толчком») долгих. Аналогичную картину рисует нам Лаури Кеттунен для ливского языка (см. его работу «Untersuchungen über die livische Sprache» в «Acta et Commentationes Universitatis Dorpatensis», VII, 3, Tartu, 1925, стр. 4 и сл. и особенно приложенные кимограммы). Поучительны также наблюдения Р. Экблума над латышской прерывистой интонацией («Die lettischen Akzentarten», Uppsala, 1933, стр. 23 и сл., 42, 47 и сл.).

ся, что в этой позиции могут появляться лишь (фонетически долгие или полудолгие) полноартикулируемые гласные (так обстоит дело в английском, голландском, немецком, норвежском, шведском, шотландско-гаэльском, хопи и других языках). О том, что долгота гласного оказывается при этом фонологически несущественной, можно заключить из случаев, где архифонема реализуется в виде краткого гласного с слабым примыканием, например в безударных слогах немецкого языка (*le-béndig*, *Ho-lúnder*, *sparzieren*, *Ka-pi-tán* и т.д.).

Если корреляция «толчка» присуща лишь моросчитающим языкам, то связь корреляции усечения слога с членением языков на моросчитающие и слогосчитающие менее очевидна. Немецкий, голландский и английский языки, в которых корреляция усечения слога господствует в слогах как с главным, так и с второстепенным ударением, являются явно слогосчитающими языками, поскольку они не имеют ни одного свойственного моросчитающим языкам признака. Однако язык хопи, где корреляция усечения слога тоже обнаруживается в слогах с главными и второстепенными ударениями, является моросчитающим языком. Корреляция усечения слога обнаруживается здесь только в одномерных слогиносителях (= в гласных с главным и второстепенным ударением), тогда как в двухмерных слогиносителях эта корреляция отсутствует; в результате корреляция усечения слога и просодическая корреляция геминии образуют здесь трехчленный пучок: «одномерный слогиноситель с сильным примыканием» — «одномерный слогиноситель без сильного примыкания» — «двухмерный слогиноситель (без сильного примыкания)». В безударных слогах весь этот пучок нейтрализуется.

Связь корреляции усечения слога с просодической корреляцией геминии, имеющая характер пучка, видимо, существует также и в норвежском языке. Хотя К. Боргстрём, которому мы обязаны превосходным фонологическим описанием норвежского письменного языка¹, и утверждает, что «норвежскому литературному языку чуждо членение слогиносителя на моры» (цит. раб., стр. 261), мы, однако, считаем возможным сомневаться в этом. Наличие смысловразличительных мелодических противоположений в данном языке (например, *ly'se* «свет» с восходящим тоном — *ly'se* «светить» с нисходяще-восходящим тоном) свидетельствует о моросчитающем характере языка. Правда, эта мелодическая корреля-

¹ Carl Borgström, *Zur Phonologie der norwegischen Schriftsprache*, «Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap», IX, 1937, стр. 250 и сл. Среди фонетических описаний юго-восточнонорвежских просодических систем следовало бы особо выделить образцовую по своей ясности и точности работу Олафа Брока «Rhythm in the spoken Norwegian language» (*Philological society transactions*), 1935, стр. 80–112.

для наблюдается не только у долгих, но и у кратких гласных, что как будто тоже служит существенным доводом в пользу отстаиваемого Боргстрёмом взгляда. Однако это препятствие легко устранить. К. Боргстрём совершенно правильно указывает на то, что ударные слогиносители норвежского языка являются базой для корреляции усечения слога и что ударные слоги в этом языке объективно всегда долгие, «поскольку они содержат либо краткий гласный и долгий согласный, либо долгий гласный и краткий согласный» (цит. раб., стр. 264 и сл.). С другой стороны, Боргстрём признает, что в ударных слогах с «кратким» (то есть «усеченным») гласным мелодика затрагивает не только гласный, но и следующий за ним согласный; «при кратком гласном с последующим глухим согласным создается впечатление, что часть мелодического рисунка дана лишь намеком, без голосового тона и что тем не менее противоположение явственно сохраняется; если же согласный является звонким (например, *bønner* «крестьяне», *bønner* «бобы»), то часть мелодического рисунка явно приходится на согласный» (стр. 261). Носителем тона, таким образом, оказывается либо полноартикулируемый гласный, либо дифтонг, либо сочетание «усеченного» гласного с имплюзией следующего согласного, которым может быть не только сонант, но и шумный (последнее обстоятельство является особенностью шведско-норвежского типа). Все эти три типа ударных слогиносителей можно рассматривать как д в у х м о р н ы е; об их двухморном характере свидетельствует корреляция движения тона. Все три упомянутых типа двухморных слогиносителей присущи также и безударным слогам, но здесь, кроме того, имеются и о д н о м о р н ы е слогиносители, то есть «краткие» гласные без сильного примыкания к последующему согласному (цит. раб., стр. 265 и сл.). Таким образом, в норвежском языке имеет место та же комбинация четырех возможных типов слогов («безударный одноморный», «безударный двухморный», «двухморный ударный с немаркированным мелодическим рисунком», «двухморный ударный с маркированным мелодическим рисунком»), что и в северокашубском, но только в сочетании с корреляцией усечения слога. Последняя в норвежском языке возможна лишь внутри двухморного слогиносителя, поскольку конец этого слогиносителя совпадает либо с концом полноартикулируемого гласного, либо с приступом последующего согласного, сильно примыкающего к предшествующему гласному. Сочетание корреляции усечения слога с просодической корреляцией геминии дает, таким образом, и здесь трехчленный пучок, структура которого, однако, оказывается иной, чем в языке хопи, поскольку корреляция усечения слога в данном случае свойственна не одноморным слогиносителям, как в хопи, а двухморным. Что касается шведского, то здесь, видимо, наблюдаются те же фонологические просодические отношения, что и в норвежском, правда, с несколько иной фонетической реализацией¹.

¹ Cp W. Stalling, *Das phonologische System des Schwedischen*, Nijmegen, 1934 — работа с явно ошибочным названием, дающая исчерпывающее, но совсем не фонологическое, а чисто фонетическо-инструментальное исследование шведской интонации.

Не всегда легко решить, какой тип корреляции присущ данному языку: корреляция усечения слога или консонантная корреляция геминации. В таких языках, как финский, венгерский или тамильский, где противоположение долгих и кратких гласных фонологически значимо как перед негеминированными, так и перед геминированными согласными, о корреляции усечения слога не может быть и речи. Но в отношении итальянского языка этот вопрос можно было бы поставить, ибо в нем ударные гласные перед гласными или перед простыми интервокальными согласными всегда долгие, а перед геминированными согласными — всегда краткие. Но поскольку противоположение геминированных и негеминированных согласных существует здесь не только после ударных, но и после безударных гласных, причем безударные гласные в положении перед негеминированными согласными не превышают по долготе такие же гласные в положении перед геминированными согласными, то ясно, что консонантную корреляцию геминации в итальянском языке следует рассматривать как нечто автономное, а не как нечто такое, что только сопутствует корреляции усечения слога. С другой стороны, ударные гласные в этом языке являются краткими не только перед геминированными согласными, но и перед всеми сочетаниями согласных (кроме сочетания «согласный + г, w, j») и в исходе слова. Следовательно, различия гласных по количеству в итальянском языке обусловлены внешне и долготу ударных гласных перед негеминированными согласными (а также перед сочетанием «согласный + г, w, j») и перед разносложными гласными следует рассматривать как комбинаторные варианты: о корреляции усечения слога в итальянском языке не может быть и речи.

Напротив того, в языках, которым свойственна корреляция усечения слога, противоположение геминированных согласных негеминированным представляет собой нечто второстепенное, фонологически несущественное. В этих языках по существу можно говорить не о геминированных, а лишь о сильно примыкающих согласных, относительно большая длительность которых является лишь фонетическим следствием их сильного примыкания к предшествующему гласному.

Д. Фразоразличительные просодические противоположения

Если различительные признаки гласных и согласных используются лишь для различения слов, то просодические признаки служат не только для дифференциации значения слов, но и для различения значения целых словосочетаний и фраз. Эту функцию выполняют мелодика (фразовая интонация), изменения регистра, фразовое ударение и паузы.

При нынешнем состоянии наших знаний не представляется возможным говорить о «фонологии фразы» с той же определенностью и обстоятельностью, с какой мы говорим о фонологии слова.

Материалы крайне ограничены и, как правило, ненадежны. В имеющихся описаниях по «фразовой фонетике» в большинстве случаев не проводится никаких различий между экспликативной, экспрессивной и апеллятивной функциями звуков. Но даже там, где такое различие намечается, оно проводится далеко не последовательно. При этом описания, как правило, преследуют чисто практические цели: они большей частью предназначены для актеров, лекторов, чтецов, а для них, как известно, строгое разграничение экспликативной и апеллятивной функции не имеет почти никакого значения. Все эти неблагоприятные обстоятельства весьма затрудняют изучение роли просодических противоположений в экспликативной фонологии предложения¹. Вот почему мы вынуждены ограничиться здесь лишь отдельными соображениями по этому вопросу.

Прежде всего необходимо строго различать, служат или нет просодические противоположения, используемые в данном языке, для дифференциации предложений, одновременной для различения слов. Там, где фразоразличительные противоположения не выполняют никакой словоразличительной роли, их использование не нуждается ни в каких особых ограничениях. Там же, где фразоразличительные противоположения являются одновременно и словоразличительными, из переплетения обеих функций и подчинения одной функции другой порой возникают весьма сложные отношения.

а) Фразовая интонация

Поскольку в большинстве европейских языков совершенно отсутствуют интонационные словоразличительные противоположения², «интонация» в этих языках является исключительно фразоразличительным средством. Для этой цели, как правило, используются восходящее и нисходящее движение тона. При этом восходящее движение тона чаще всего выполняет «предупредительную» функцию, сигнализируя о том, что предложение еще не завершено, тогда как нисходящему движению тона присуща «завершающая» функция. Обычно как тот, так и другой тип движения тона

¹ Ср. S. Karcevskij, Sur la phonologie de la phrase, TCLP, IV, стр. 188—228

² Словоразличительная корреляция движения тона в европейских языках присуща только норвежскому, шведскому, литовскому, латышскому, северокашубскому (словинскому), словенскому, сербохорватскому, североалбанскому (гегскому) и, кроме того, отдельным немецким и голландским диалектам. Ср. R. Jakobson, Sur la théorie des affinités phonologiques (Actes du IV Congrès international de linguistes. Copenhagen, 1938)

реализуется в последнем слове перед паузой, ибо только в этом месте возникает необходимость сигнализировать о том, завершено предложение или нет.

В тех языках, которым известны интонационные словоразличительные противоположения, эти противоположения по необходимости преобразуются соответствующим образом перед паузой, выступая тем самым в качестве подчиненного момента по отношению к фразовой интонации. Так, например, в шведском языке, где интонационные словоразличительные противоположения характеризуются совокупным мелодическим рисунком как собственно ударных, так и послеударных слогов, этот мелодический рисунок реализуется по-разному в зависимости от характера фразовой интонации: слог, который несет на себе главное ударение (в случае если он не является последним), имеет в словах с «грависом» нисходящее, а в «акутовых словах» ровное (или слегка восходящее) движение тона; но послеударные слоги имеют в словах с «грависом» в случае «предупредительной» фразовой интонации восходящее, а в случае «завершающей» фразовой интонации восходяще-нисходящее движение тона, тогда как в «акутовых словах» эти слоги имеют слегка нисходящее движение тона в случае «предупредительной» фразовой интонации и круто и глубоко нисходящее движение тона при «завершающей» фразовой интонации¹. В чакавско-хорватском диалекте Кастава, где в двухмерном ударном слоге фонологически различаются две разновидности движения тона, нисходящая интонация на конечном слоге всегда остается нисходящей независимо от характера фразовой интонации; но этимологически долгая восходящая интонация на последнем слоге в случае «предупредительной» фразовой интонации остается действительно восходящей лишь в положении перед паузой (или тогда, когда данное слово является особо подчеркнутым), в середине же предложения (то есть не перед паузой) и в словах неподчеркнутых она реализуется как длительно ровная, а в случае «завершающей» фразовой интонации она превращается перед паузой в нисходящую; правда, из существующего описания, принадлежащего поэту Анте Дукичу, нельзя понять, совпадают или все же различаются в этом положении обе «длительные» интонации; что же касается «краткой» интонации на одномерном конечном слоге, движение тона которого не существенно для различения слов, то она является восходящей в случае «предупредительной» фразовой интонации и нисходящей в случае «завершающей» фразовой ин-

¹ Ср. цитированную выше работу Сталинга «Das phonologische System des Schwedischen», Nijmegen, 1934.

тонации¹. К сожалению, у нас нет удовлетворительных материалов (не говоря уже о систематических описаниях) по фразовой интонации в других европейских языках, которым известна словоразличительная корреляция движения тона. Еще хуже исследована фразовая интонация неевропейских языков, особенно языков со словоразличительной регистровой корреляцией. Уже приведенный выше материал по языку менде показывает, какие осложнения могут возникнуть в таких языках благодаря вхождению мелодического рисунка слова в мелодический рисунок предложения. В языке менде, как известно, тонический регистр всех мор последнего слова в предложении понижается на одну ступень, что, очевидно, связано с особым типом нисходящей фразовой интонации, завершающей предложение.

Помимо «предупредительной» и «завершающей» фразовой интонации, имеется еще п е р е ч и с л и т е л ь н а я интонация, которая отличается от интонаций двух первых типов и выполняет смысловозначительные функции. Смысловозначительное противоположение перечислительной и предупредительной интонаций обнаруживается особенно наглядно в таких языках, как русский, где так называемое именное предложение является абсолютно нормальным синтаксическим образованием: ср. «люди, звери, птицы...», с одной стороны, и «люди — звери» — с другой.

Во всех иных случаях, где для европейских языков принимались особые фразовые интонации, наблюдается смешение двух функций — экспликативной и экспрессивной (или апеллятивной), — ибо различия, которые достигались благодаря этим якобы фразоразличительным интонациям, касались не понятийного, а эмоционального содержания фраз и словосочетаний. Не исключено, само собой разумеется, что в каких-нибудь «экзотических» языках обстоятельства складываются иначе. Однако данными о фразовой интонации в этих языках необходимо пользоваться с величайшей осторожностью, поскольку исследователи, как правило, не только не различали трех бюлеровских функций, а вдобавок еще умудрялись в сфере экспликативной функции путать словоразличительные и фразоразличительные интонационные противоположения. Необходимо подчеркнуть, что в языках со словоразличительными регистровыми противоположениями, регистровые (а следовательно, и интонационные) различия используются для образования грамматических форм так же, как, например, в немецком языке для этой цели используется чередование гласных (как восходящее к древнему аблауту, так и возникшее благо-

¹ Ср. Ante D u k i ć, Marija devica, čakavska pjesma, Zagreb, 1935, где дано краткое описание просодической системы диалекта поэта, а также A. B e l i ć, O rečenjnom akcentu u kastavskom govoru, «Juž. Fil.», XIV, 1935, стр. 151 и сл., с богатым собранием примеров из разных поэтических произведений Анте Дукича.

даря умлауту). И если в таких случаях, как нем. *gib ~ gab, geben ~ gaben, Bruder ~ Brüder* и т.д., вокалические противоположения следует понимать в качестве словоразличительных, а не фразоразличительных, то и в таких случаях из языка фанте (ашанти), как *ʔɔ_hwɛ* «он смотрит» ~ *ʔɔ_hwɛ̃* «он смотрел», речь идет лишь о словоразличительных противоположениях по интонации, а не о «syntactic tones», как это, к сожалению, утверждает-ся в ценном университетском пособии Вестерманна и Уорд¹.

б) Фразоразличительные регистровые противоположения

С фразовыми интонациями не следует смешивать фразоразличительные регистровые противоположения. Так как словоразличительные регистровые противоположения неизвестны большинству языков мира, то ничто не препятствует использованию противоположений этого рода для различения предложений. Тем не менее большинство языков либо вовсе не использует эту возможность, либо использует ее весьма ограниченно.

В очень многих языках предложения, содержащие полный вопрос (в противоположность предложениям, содержащим частичный вопрос), характеризуются восходящей интонацией, которая отличается от интонации, выполняющей «предупредительную» функцию, как правило, только более высоким регистром голоса, причем восходящая интонация приходится обычно только на тот член предложения, который стоит под вопросом². В этом случае высота регистра способствует таким образом различению вопросительного и незаконченного повествовательного предложений; ср. нем. *Er soll kommen?* «Он должен прийти?» и *Er soll kommen... und sich selbst überzeugen* «Ему нужно прийти... и самому убедиться»; или русск. *Он любит играть в карты?* и *Он любит играть в карты..., но только не на деньги*.

Понижение регистра ниже нормального уровня наблюдается обычно в так называемых вводных предложениях, а также у вводных слов, стоящих вне связи с предложением (обращения и т.д.); ср. такие предложения, как *Я не могу прийти, — сказал он, — так как я занят по дому* или *С удовольствием, господин доктор* и т.д. (см. С. Карцевский, цит. раб., стр. 217 и сл.)³. Такое понижение

¹ D. Westermann und Ida C. Ward, *Practical phonetics for students of African languages*, London, 1933, стр. 178.

² О вопросительной интонации в разных языках см. P. Kretschmer, *Der Ursprung des Fragetons und Fragesatzes*, «Scritti in onore di Alfredo Trombetti», Milano, 1936, стр. 29 и сл.

³ Как известно, уже в «Ригведе» вводный вокатив характеризуется низким тоном.

голоса дает возможность отличать вводные предложения от обычных. При этом, однако, понижение голоса никоим образом не является единственным признаком вводного предложения: наоборот, оно, как правило, во всех случаях связано с особой «ровной» (не восходящей и не нисходящей) интонацией и убыстренным темпом речи.

Следовательно, фразоразличительные изменения (чередования) регистра в европейских языках, как кажется, никогда не являются абсолютно самостоятельными, они во всех случаях связаны с определенной фразовой интонацией. Независимое изменение регистра наблюдается только там (мы имеем при этом в виду европейские языки), где этот регистр выполняет апеллятивную и экспрессивную функции. Этим и объясняется относительно слабое использование данного средства для фразоразличения.

в) Фразовое ударение

Экспираторное усиление ударного слога во многих языках используется также для дифференциации предложений. В этих целях то слово, которое должно быть выделено по смысловым соображениям, получает экспираторное усиление. В тех языках, где место экспираторного ударения не выполняет словоразличительных функций, дело обстоит относительно просто. Например, в таком предложении чешского языка, как *Tvoje sestra přinesla knihu* «Твоя сестра принесла книгу», любое из четырех слов можно выделить путем усиления ударения на первом слоге, благодаря чему в значение предложения привносятся четыре разных оттенка (твоя, а не моя; твоя сестра, а не мать; принесла, а не забыла или еще что-нибудь в этом роде; книгу, а не какую-либо другую вещь). Все прочие слова в этом случае получают более слабое ударение на первых слогах; так всякий раз образуется двухступенчатая иерархия ударений: основное ударение и такое число второстепенных ударений, сколько в предложении имеется слов. И только там, где главное предложение связано с придаточным (или с рядом придаточных), может возникнуть несколько более сложная, трехступенчатая градация. Во всех случаях, однако, речь идет о градациях экспираторного усиления.

Фразовое ударение в немецком языке также отличается только степенью усиления. Подчинение словесного ударения фразовому ударению происходит путем противопоставления более сильного ударения более слабому. Это осложняется, однако, тем, что некоторые сложные слова, помимо главного ударения, несут еще второстепенное ударение. Фундаментальное отличие немецкого язы-

ка от чешского не столь велико, как это можно было бы думать. В чешском языке место ударения в слове не выполняет никакой смыслоразличительной функции; смыслоразличительную роль играет место главного ударения в предложении; в немецком же языке место главного ударения может дифференцировать лишь сложные слова (*übersetzen* «переправляться», *übersetzen* «переводить»), при этом основную роль здесь играет противоположение главного и второстепенного ударения; но то же противоположение сохраняет свое значение и для немецкого предложения. Следовательно, в немецком языке сила ударения зависит от значения предложения (сочетания с л о в) и от значения сложного слова (сочетания о с н о в).

Совершенно иначе обстоит дело в таких языках, как русский, где словесное ударение абсолютно свободно в полном смысле этого слова (даже в простых словах) и где противоположения по месту ударения используются в полную меру в лексических целях, а второстепенное ударение фонологически несущественно. В русском языке сила ударения зависит от значения предложения: смысл предложения может меняться благодаря усилению ударения на одном определенном слове и ослаблению его на прочих словах. Слова, не затронутые фразовым ударением, не обнаруживают, как правило, какого-либо экспираторного усиления этимологически ударного слога. Эти слоги, однако, продолжают отличаться от этимологически неударных, с одной стороны, тем, что они несколько более длительны, с другой стороны, тем, что гласные таких слогов не подвергаются качественно редукции. Таким образом, можно сказать, что фонологически существенными в русском языке являются: для словесного ударения количественные и качественные различия между гласными ударных и безударных слогов, а для фразового ударения экспираторные различия в силе между ударными слогами отдельных слов¹. Русское словесное ударение является единственным: русскому языку неизвестно смыслоразличительное второстепенное ударение в сложном слове. Но в предложении основное и второстепенное ударения различаются: «*Ива́н пойдѐт*» (с второстепенным ударением на подлежащем), *Иван пойдѐт* (без второстепенного ударения), *Ива́н пойдѐт* (с главным ударением на подлежащем и второстепенным ударением на сказуемом). Следовательно, фразовое ударение в рус-

¹ В изолированном слове в русском языке ударный слог не только полновесен (нередуцирован) количественно и качественно, но и гораздо сильнее, нежели безударный. Это происходит, однако, потому, что такое изолированное слово следует рассматривать как самостоятельное предложение.

ском языке отличается от словесного ударения по существу. Ничего подобного нет в немецком языке. Смыслоразличительные второстепенные ударения присущи в немецком языке как предложению, так и слову; ударение здесь лишено каких-либо объективных признаков, которые были бы релевантными либо только для предложения, либо только для слова.

Этих немногих примеров, пожалуй, достаточно, чтобы показать, насколько различной может быть трактовка фразового ударения в разных языках¹.

г) Фразовые паузы

Пауза является, пожалуй, единственным фразоразличительным средством, которое не имеет точного соответствия в словоразличительных просодических признаках, если только не пытаться приравнять противоположение «наличие паузы — отсутствие таковой» корреляции «толчка».

Во всяком случае пауза является таким же просодическим средством, как и все прочие фразоразличительные средства, и может быть включена в состав признаков примыкания. Фразовые паузы, как правило, являются средством разграничения отдельных предложений или их отрезков и выполняют, таким образом, преимущественно делимитативную функцию. Однако нередко «наличие паузы — отсутствие таковой» играет и смыслоразличительную роль; ср. русск. *русский|армянин|и грузин*, с одной стороны, и *русский армянин|и грузин* — с другой стороны.

д) Общие замечания

В заключение можно сказать, что, хотя для различения предложений используются те же звуковые признаки, что и для словоразличительных просодических корреляций, фразоразличительные средства тем не менее принципиально отличны не только от просодических, но и от всех других словоразличительных средств. Это принципиальное отличие состоит в том, что фонемы и словоразличительные просодические признаки никогда сами по себе не являются языковыми знаками; они представляют собой лишь часть языкового знака. Фонема *m* сама по себе не является знаком, она ничего не значит и ничего не обозначает, она является лишь частью различных языковых знаков (слов, морфем), таких, например, как *Mann, Mutter, Mist, dumm, dem*,

¹ Ср. A. Belic, L'accent de la phrase et l'accent du mot, TCLP, IV, стр. 183 и сл.

immer и т.д. Наоборот, фразоразличительные средства являются самостоятельными знаками; «предупредительная» интонация о б о з н а ч а е т, что предложение еще не завершено, понижение регистра о б о з н а ч а е т, что данный отрезок речи не связан ни с предыдущим, ни с последующим и т.д. В этом отношении фразоразличительные элементы можно сравнить с делимитативными и кульминативными средствами языка¹.

6. Аномальные смысложарличительные элементы

Многие языки, помимо нормальной фонологической системы, обладают рядом фонологических элементов особого рода, которые выполняют совершенно специфические функции.

Сюда прежде всего принадлежат «чужие звуки», то есть фонемы, заимствованные из фонологической системы другого языка, встречающиеся главным образом в заимствованных словах, что особо подчеркивает иноземный характер соответствующего слова. В немецком литературном языке (особенно в его южной разновидности) к таким звукам относятся назализованные гласные и звонкая параллель к ξ , в чешском — фонема g , в сербохорватском — фонема ξ ($d\check{z}$) и т.д. Следует иметь в виду, что эти чужие фонемы обычно произносятся не совсем так, как в том языке, откуда они заимствованы; они, как правило, приспособляются к фонетической системе языка, который их заимствует. Так, например, ξ в немецком языке (особенно в Вене) совсем не является звонким; это самый обычный глухой слабый, поскольку верхненемецкому чужды звонкие шумные. И, наоборот, чешское g является самым настоящим звонким смычным, хотя во многих случаях оно должно передавать глухой слабый g верхненемецкого. Кроме того, можно установить, что такие «чужие звуки», коль скоро они проникли в другой язык, не всегда произносятся там, где им полагается быть. Ведь они являются знаками иноземного характера слова и поэтому могут оказаться в таком слове, которое ощущается как иностранное; при этом совершенно не принимается во внимание, оправданы они в данном случае или нет. Так, например, заимствованное слово *Telephon* произносится в Вене очень часто с назализованным гласным o (*telefō*), а чехи заменяют k на g в таких заимствованных словах, как *plakat*, *balkon* и т.д.² Часто ощущение инородного характера какого-либо слова исчезает, и тогда чужие звуки инкорпорируются в фонетическую систему того языка, который их заимствовал. Может даже случиться, что такая фонема входит в состав вновь образуемых слов в данном языке. Так, например, обстоит дело с фонемами f , f' в русском языке; первона-

¹ Cp. R. Jakobson в «Mélanges offerts à Jacques van Ginneken», Paris, 1937, стр. 26 и сл. и в «Bull. du cercle ling. de Copenhague», II, 1936—1937, стр. 7.

² Cp. V. Mathesius, K výslovnosti cizích slov v češtině, «Slovo a slovesnost», I, стр. 36 и сл. и Zur synchronischen Analyse fremden Sprachguts, «Engl. Stud.», 1925, стр. 21—35.

чально они встречались лишь в заимствованных словах, ныне же их можно обнаружить и в таких словах, как *простофиля*, *фуфайка*, которые не являются заимствованиями. Но в силу того что «акклиматизация» чужих звуков наступает сравнительно поздно, простор для их использования ограничивается арготическими выражениями. Следовательно, эти фонемы сохраняют все же особую функцию: они свидетельствуют об иноземном характере того или иного слова, а также о той особой экспрессивности фамильярного характера, которая свойственна арготическому словарю.

Фонемы с особыми функциями встречаются далее в междометиях, ономотопеях и в тех словечках, с которыми обращаются к домашним животным, когда их подзывают, манят и т. д. Эти слова вообще не выполняют экспликативной функции в собственном смысле и образуют, таким образом, совершенно особый раздел словаря, для которого обычная фонологическая система оказывается недействительной. Даже в европейских языках есть такие звуки, которые используются только в подобного рода словах; ср. междометие, передаваемое графически знаками *хм*, шелкающие звуки типа *ти-ти-ти-*, которыми погоняют лошадей, губное *пррр*, которым останавливают лошадь, или междометие *бррр*, имитирующее озноб, дрожь и т. д. В некоторых «экзотических» языках такие экстранормальные фонемы весьма многочисленны. Так, например, языки банту обладают целым рядом слов, обозначающих крики, походку и т. п. зверей, причем во многих случаях едва ли можно говорить о звукоподражаниях в собственном смысле этого слова (например, рев льва изображается слоговым палатальным *р*). И в этих словах мы находим особого рода фонемы, которые нигде больше в этих языках не встречаются. В сказках индейцев такелма, персонажами которых являются звери, в речах гризли (североамериканского серого медведя) к каждому слову префигируется глухой латеральный спираント — звук, который в языке такелма нигде больше не встречается¹

У. Типы нейтрализации смыслоразличительных противоположений

1. Общие замечания

Отдельные языки отличаются друг от друга не только составом фонем и просодических средств, но и применением этих смыслоразличительных элементов. В немецком языке имеется фонема *ŋ* (*ng*), но употребляется она только в исходе и середине слова, причем не в положении перед «определенными» гласными. Та же фо-

¹ E Sapir, The Takelma language of South, Western Oregon, «Handbook of American Indian languages», II, 8 и прим. 2.